

КРОКОДИЛ

Рисунок К. НЕВЛЕРА и М. УШАЦА

Евгений ДУБРОВИН,
специальный корреспондент Крокодила

ВОСПОМИНАНИЕ

По Кремлю повсюду октябрьское золото: на крышах соборов, на булыжнике мостовых, на капотах машин, даже на плече милиционера, проверяющего документы, лежит багряный кленовый лист.

— Прямо и налево...

— Прямо и налево...

— Прямо и налево...

Впрочем, заблудиться невозможно. Депутаты и гости сплошным потоком движутся к Большому Кремлевскому Дворцу, где вот-вот начнется заседание внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР. Чуть правее одна за другой идут машины с дипломатическими номерами. Ветер упруго треплет флажки с государственными цветами. Машин так много, что они еле ползут, едва не касаясь радиаторами друг друга. За стеклами черные, бронзовые, белые, коричневые лица... Пожалуй, никогда еще сюда не приезжало столько гостей...

У людей какие-то особые, задумчивые лица. Даже если бы я ничего не знал, не знал, что произойдет через сорок минут, то по лицам можно было бы сразу догадаться, что произойдет что-то необычное, из ряда вон выходящее...

Перед входом небольшая очередь. Люди идут молча, задумавшись, только изредка прозвучит короткая фраза, послышится смех. Ощущение торжественности, необычности охватывает и меня. О чем думают все эти люди? Что они вспоминают? Люди разных возрастов, разных национальностей, разного жизненного опыта... Может быть, они думают о своем детстве, юности, вспоминают своих родственников, друзей, знакомых, которым не довелось увидеть этого пронзительного, полыхающего красными флагами октябрьского дня, услышать звон сухого булыжника под ногами, осторожные гудки машин, почувствовать, как пахнет облетевшая хмельная листва деревьев, откуда-то пробившийся дымок костра, старые камни соборов...

Четыре шага до входа. Память отбрасывает меня на тридцать три года назад. Октябрь сорок четвертого... Картофельное поле за поселком, на краю леса, в котором еще стоят сгоревшие танки и в окопах лежат наши и немецкие пробитые каски... Костер. На костре булькает помятый солдатский котелок, вокруг огня, жадно ловя пробивающийся сквозь дым запах картофельного пара, сидит в рваных фуфайках и шинелях безотцовщина, пацаны от семи до пятнадцати лет. У старшего, которого мы из-за появившегося на губе пуха зовем Дедом, отец убит в самом начале войны, мать погибла во время бомбежки, осталась одна пятилетняя сестренка. У остальных отцы погибли недавно: в сорок третьем и сорок четвертом. Среди этой компании я считаюсь счастливчиком: мой отец пропал без вести.

Мы сидим возле костра, ждем, когда сварится картошка, и обсуждаем важную проблему: до какого места разминировано картофельное поле. Это картофельное поле — соблазн для всего поселка. Сначала, когда наши войска погнали немцев на запад, много желающих рванулось рыть картошку на неубранное картофельное поле, но после того, как несколько человек подорвались на минах, желающих поубавилось, затем они вовсе исчезли и остались только мы, безотцовщина. Из-за Деда. Дед был везучим. Он все дальше и дальше проникал в глубь картофельного поля от дороги, разминированной солдатами, и удача неизменно сопутствовала Деду. Может быть, потому, что Дед имел самый солидный стаж безотцовщины и многому научился один на один с жизнью, а может быть, его незримо охранял убитый отец, тоже минер, убирая из-под локтей сына коварные проволочки, которые тянулись к зарытым в землю фашистским противопехотным минам? Во всяком случае, за картошкой всегда ходил Дед и всегда приносил полный котелок.

И вот сейчас мы обсуждали проблему: стоит ли рисковать дальше? Большинство пацанов считало, что не стоит. Слишком часто стали попадаться на пути Деда проволочки и слишком редко воронки от взрывов — следы неосторожных животных и людей, которые ценой своей жизни разминировали поле и расчищали дорогу Деду к картошке.

Дед же считал, что рисковать еще можно. Дед говорил, что он везучий, что он опытный и осторожный. Мы спорили не очень сильно. Мы знали, что Дед ползает по картофельному полю главным образом ради сестренки, которая болеет вот уже несколько месяцев.

Сестренке Деда в тот октябрьский день я принес кусочек колбасы. Это был совсем крохотный кусочек, можно сказать, не кусочек, а тонкий прозрачный ломтик.

Я украл этот ломтик у нашего постояльца. Нашим постояльцем был иностранец. Не знаю, почему иностранца поселили именно к нам, может быть, из-за дома — у нас был самый красивый, самый светлый, самый чистый дом в поселке, а может быть, из-за матери — она слыла до войны хорошей хозяйкой, и к нам иногда заворачивал на пироги с грибами и картошкой даже сам председатель сельсовета.

Тогда я не знал, что делал иностранец в нашем маленьком поселке. Сейчас я думаю, что наш маленький поселок имел какое-то особое предприятие, как-то связанное с иностранной фирмой, и наш постоялец был там представителем. Впрочем, это тогда не имело для меня значения. Главное, иностранец был, жил в нашем доме, и мать готовила для него отдельные заграничные обеды. Эти обеды были пыткой для меня — голодного, оборванного мальчишки, но я понимал, что в некотором роде был дипломатическим представителем своего народа, и старался, насколько это было в моих мальчишеских силах, не клянчить глазами иностранные продукты и тем более не воровать.

Впрочем, надо отдать должное иностранцу, он был добрым малым и иногда выделял нам с матерью от своего заграничного стола кое-какие продукты в яркой упаковке, в основном яичный порошок, однако делал это не очень часто. Я понимал своего постояльца: продукты проделывали к нему с родины большой, опасный путь, а вокруг была масса голодных людей — всех не накормишь, да в его обязанности и не входило кормить.

Постоялец, в общем, доверял нам и не очень часто появлялся во время приготовления пищи матерью (хотя все-таки и появлялся, якобы попить воды или спросить что-нибудь — зачем это пить перед едой, а русский язык он почти не знал). И тут тоже я его понимал: еще можно утерпеть при виде сухих, упакованных, консервированных продуктов, но устоять, когда эти продукты шипят, бурлят, дымятся, трудно, ох как трудно...

И только один продукт постоялец приготовлял лично сам. Колбасу. Сухую колбасу, утыканную точечками сала. Темно-розовую, с черным по бокам ободком колбасу. Колбасу, с которой кожура сдиралась очень плохо, не чисто, задерживаясь паутинками на желтых, прокопченных бугорках жира. Колбасу, которая пахла перцем, молоком, хлебом, сахаром, картошкой, мясом — всеми самыми вкусными продуктами на свете. Мне почему-то казалось, что колбаса пахла Мексикой. Почему именно Мексикой, я и сам не знал. Я никогда не был в Мексике, почти ничего не знал про нее, но колбаса пахла Мексикой — в этом я был уверен.

Иностранец аккуратно резал сухую палку колбасы на тоненькие кружочки и бросал их в наполненную жиром сковородку. Кружочки горбились, скрючивались, ползали по сковородке, как облепившие цветок черные бабочки. Лицо у постояльца делалось каким-то замкнутым, настороженным, почти жадным, он обматывал руку тряпкой и уносил сковородку к себе в комнату.

Не знаю, почему постоялец так особо относился к колбасе. Может быть, для этого у него были свои, веские основания — я их так никогда и не узнал,— но факт остается фактом: за все время я не получил ни грамма колбасы. Возможно, поэтому я постепенно пришел к выводу, что колбаса постояльца обладает невероятными свойствами, может быть, даже это и есть эликсир здоровья и сытости. Вот почему я, когда узнал о болезни сестренки Деда, решил во что бы то ни стало украсть кружочек этой удивительной, бесценной колбасы.

И кража блестяще удалась во время очередной жарки. Улучив момент, когда постоялец отлучился в свою комнату за специальной складной вилкой — он почему-то переворачивал колбасу только своей никелированной складной вилкой,— я схватил со сковородки шипящий кружок и сунул его в карман.

И тут вошел постоялец. Он подозрительно оглядел мою застывшую фигуру и стал считать куски колбасы. Я видел, что он считает, шевеля губами. Постоялец посчитал раз, второй, нахмурил лоб, уставился на меня, и постепенно истина стала открываться ему. И тогда я рванулся к двери, придерживая в кармане рукой горячий кусочек, чтобы он не вывалился в дырку.

Я отдал этот ломтик эликсира Деду, и тот очень обрадовался. Он сказал, что сестренка будет сосать его несколько часов. Хорошо, что колбаса твердая. С этим кусочком, сказал Дед, можно съесть мешок картошки. Если сестренка съест мешок картошки, то она выздоровеет. Если картошку есть каждый день, то излечишься от любой болезни. Нет такой болезни, сказал Дед, которая бы не прошла от картошки.

Только за этим мешком надо идти на новые, не освоенные нами участки поля. Почти к самому лесу. Вот в чем вопрос. Вот почему мы спорили в тот день у костра.

Наверно, Дед чувствовал в тот день, что он подорвется на мине. Он все медлил уходить к лесу и говорил, говорил. Всегда молчаливый, он тогда много говорил. Он говорил в тот день, что война скоро кончится, что в поселке откроется пекарня и хлеба будет вволю, что лес и поле очистят от мин и можно будет без опаски ходить за ягодами и грибами. Что сестренку положат в большую светлую больницу и будут каждый день давать ей картошку и молоко. И мы сидели возле Деда, оборванные, грязные, голодные, и слушали невероятные его мечты.

Потом Дед сказал нам: «Ну, бывайте»,— и пошел к лесу. Он так и остался в моей памяти: уверенный, большой, сильный, с темным пушком на верхней губе. Он ушел за картошкой для сестренки, для нас... Через полчаса мы услышали взрыв...

...Вот какое воспоминание связано у меня с горьковатым запахом осенних листьев, пронзительным октябрьским воздухом... Я смотрю на идущих рядом людей и думаю: у каждого из них есть свое воспоминание. Дорогое, близкое, сокровенное. В этот день нельзя без воспоминаний.

В этот день подводится как бы итог шестидесятилетней жизни нашего государства. Большой жизни, за которую отдали свою маленькую жизнь Дед и миллионы других людей... Итог, нацеленный в Будущее.

В большом светлом зале звучат слова Л. И. Брежнева:

— Уважаемые товарищи депутаты! Перед нынешней сессией Верховного Совета стоит задача в полном смысле слова историческая: принять новую Конституцию Союза Советских Социалистических Республик.

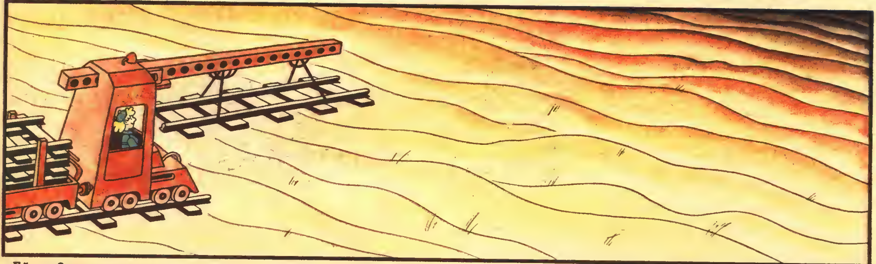
Тишина в большом зале, заполненном людьми. Задумчивые, сосредоточенные лица.

У каждого свое воспоминание...

Москва, Кремль.

Дан приказ: ему — на запад,

Ей — в другую сторону...

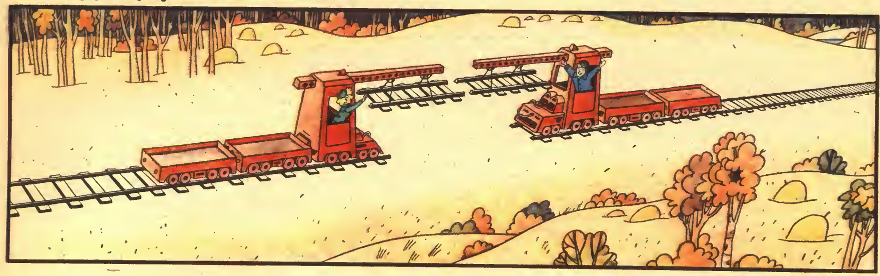

Рисунок В. ШКАРБАНА

Б. РЕСКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Волшебная палочка

...Юный принц грациозно ускакал за кулисы на поиски прелестной Одетты, фея положила палочку на пульт, легким движением коснулась своих кудрявых волос и превратилась из повелительницы муз в Дильбар Гулямовну Абдурахманову — милую темноглазую женщину. Ко всему — предельно вежливую и терпимую: невзирая на усталость, она охотно вспомнила забавный случай из своей дирижерской жизни.

— Было это ровно двадцать лет назад. Я только что окончила дирижерское отделение консерватории, и как раз в праздничные дни мой учитель и наставник Мухтар Ашрафи доверил мне свое место за пультом.

Шел большой концерт, театральный зал был заполнен «до люстры». Я стою внизу, от волнения не слышу, что именно объявляет ведущая, вижу только, как возвращается она державной поступью за кулисы, иду к пульту и натыкаюсь на стену громового хохота. Все без исключения понимают причину этого безудержного веселья, и только я в полном недоумении и мечтаю провалиться сквозь пол...

Тем не менее повелительно поднимаю дрожащие руки, звучит вступление, начинается балетный номер, а когда он заканчивается, поднимается такой шквал оваций, какого я, наверное, никогда в жизни вновь не услышу. Конечно же, я отношу это на счет танцовщицы и ее партнера, но вижу, в оркестре появился Ашрафи и жестами приказывает мне: «Повернись и кланяйся публике!»

Ухожу почти что в прострации за кулисы, попадаю в объятия друзей, вижу смущенную ведущую и слышу ее жалобный голос:

— Не сердись, ради бога, Дилинька, я по привычке объявила, что дирижирует Мухтар Ашрафи, а вышла...

— Кудрявая пигалица,— договариваю я.

Все становится понятным: публика поначалу решила, что какая-то взбалмошная или рассеянная девчонка заблудилась и забрела в оркестр. В ту пору, к слову, вообще не привыкли видеть за пультом женщину...

И тогда я задаю народной артистке Узбекской ССР, лауреату Государственной премии имени Хамзы, главному дирижеру Ташкентского академического Большого театра имени Навои Дильбар Гулямовне Абдурахмановой вопрос, который с самого начала вертелся на языке у меня, да, наверное, и у всех, кто беседует с нею впервые. Как и почему занялась она делом, которое традиционно считается мужским?

— Ох, не говорите! Много, много профессий у нас, в Средней Азии, раньше считались чисто мужскими. Перечислять их не стоит — много бы места заняло... Но в том-то и удивительное благотворное воздействие Октября на уклад, обычаи, умы человеческие, что меняется психология труда и творчества. Теперь у нас женщину — и это стало привычным — увидишь и за штурвалом комбайна, и за столом руководителя предприятия, и... за пультом дирижера.

— И последнее, традиционное: если бы вам суждено было родиться снова?

— Вновь проявила бы слабость и взяла бы в руки волшебную палочку дирижера. Ведь оперное искусство, столь любимое народом,— моя жизнь!

г. Ташкент.

С. БОДРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Ваш род занятий?

Сначала мы пробирались сквозь громадные, неведомые заросли. Потом заблудились. Когда в пору было уже кричать «Ау!», на опушке этого загадочного леса мы увидели наконец нужного человека. Он в задумчивости ел арбуз.

— Аманхан Мамыров,— шепотом сообщили нам.— Любит сидеть один и думать.

Мы поздоровались и присели рядом.

— Ну и джунгли у вас! — сказали мы.

— Это не джунгли, а поле, где наше комплексное звено выращивает кукурузу,— спокойно ответил Мамыров.

— То самое, с каждого гектара которого вы обещали собрать по сто сорок центнеров отборного зерна?

— Обещали сто сорок. Сейчас попробовали — выходит больше.

— И давно вы так пробуете, Аманхан?

— Впервые взялся семь лет назад. Тогда считалось, что кукуруза на нашей земле плохо растет. Вот я и решил попробовать. Только предупредил, что хочу быть на своем поле хозяином: сам буду пахать, сам сеять, сам убирать урожай. Оказалось, что неплохо растет кукуруза,— улыбнулся Мамыров.

Бригадир комплексного звена совхоза «Кетмень-Тюбе» Токтогульского района Ошской области Аманхан Мамыров за семь лет труда на своем поле успел многое. Из ученика превратиться в учителя. Стал лучшим кукурузоводом Киргизии. Кавалером орденов Ленина и Октябрьской Революции. Лауреатом Государственной премии. Депутатом Верховного Совета республики, членом Центрального Комитета Компартии Киргизии.

«Общественно полезный труд и его результаты определяют положение человека в обществе» — так коротко и ясно сказано по этому поводу в строках Конституции СССР.

— Все ваши желания исполнились, Аманхан?

— Наш район расположен в сердце Киргизии. Кругом горы, а мы живем посередине. Раньше поехать в город на базар — целое событие было. Одна дорога месяц занимала! Приедут аксакалы, слезут с ишаков и рассказывают, что в мире творится. Я мальчишкой мечтал: «Вырасту большой, обязательно поеду в город на базар!»

Недавно я в Москве был, на ВДНХ. Там небольшой семинарчик устроили по обмену опытом. Слушал, как другие земледельцы работают, про себя рассказывал. Интересная поездка получилась. В Москву летел на «ТУ-154», а обратно пришлось возвращаться на собственном «Москвиче-412». Премировали в конце семинара за хорошие урожаи... Теперь надо выбрать время в США слетать — любопытно, как американские фермеры кукурузу выращивают. Раньше для нас сто сорок центнеров с гектара, конечно, фантастической цифрой звучало. А я вот сейчас думаю о том, какой урожай мы в 1980 году будем собирать...

Пятилетку Аманхан Мамыров выполнил за два года. У него пять человек детей. Кроме спелых арбузов, он любит песни акынов и книги Чингиза Айтматова.

Национальность — киргиз.

Возраст — тридцать четыре года.

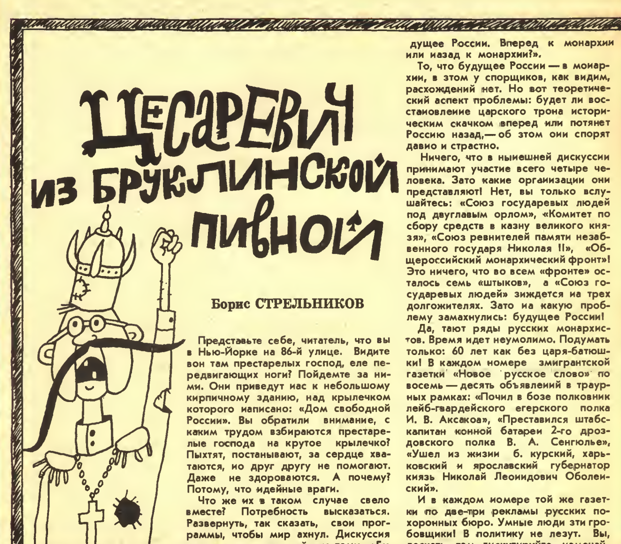
Род занятий — крестьянин и государственный деятель...

Киргизская ССР.

ПРАЗДНИЧНАЯ СТЫКОВКА

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Цесаревич из Бруклинской пивной

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

Представьте себе, читатель, что вы в Нью-Йорке на 86-й улице. Видите вон там престарелых господ, еле передвигающих ноги? Пойдемте за ними. Они приведут нас к небольшому кирпичному зданию, над крылечком которого написано: «Дом свободной России». Вы обратили внимание, с каким трудом взбираются престарелые господа на крутое крылечко? Пыхтят, постанывают, за сердце хватаются, но друг другу не помогают. Даже не здороваются. А почему? Потому, что идейные враги.

Что же их в таком случае свело вместе? Потребность высказаться. Развернуть, так сказать, свои программы, чтобы мир ахнул. Дискуссия сегодня на актуальнейшую тему «Будущее России. Вперед к монархии или назад к монархии?».

То, что будущее России — в монархии, в этом у спорщиков, как видим, расхождений нет. Но вот теоретический аспект проблемы: будет ли восстановление царского трона историческим скачком вперед или потянет Россию назад,— об этом они спорят давно и страстно.

Ничего, что в нынешней дискуссии принимают участие всего четыре человека. Зато какие организации они представляют! Нет, вы только вслушайтесь: «Союз государевых людей под двуглавым орлом», «Комитет по сбору средств в казну великого князя», «Союз ревнителей памяти незабвенного государя Николая II», «Общероссийский монархический фронт»! Это ничего, что во всем «фронте» осталось семь «штыков», а «Союз государевых людей» зиждется на трех долгожителях. Зато на какую проблему замахнулись: будущее России!

Да, тают ряды русских монархистов. Время идет неумолимо. Подумать только: 60 лет как без царя-батюшки! В каждом номере эмигрантской газетки «Новое русское слово» по восемь — десять объявлений в траурных рамках: «Почил в бозе полковник лейб-гвардейского егерского полка И. В. Аксаков», «Преставился штабс-капитан конной батареи 2-го дроздовского полка В. А. Сенгюльс», «Ушел из жизни б. курский, харьковский и ярославский губернатор князь Николай Леонидович Оболенский».

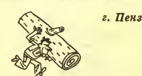
И в каждом номере той же газетки по две-три рекламы русских похоронных бюро. Умные люди эти гробовщики! В политику не лезут. Вы, дескать, там дискутируйте, намечай-

Игорь НЕСМЕЛОВ

Малая механизация

Брови нахмурил товарищ из НОТа:
«Тяжеловато, наверно, бревно-то!
А достиженья науки зачем!»
Изобретатели год ломудрили —
И автомат в производство внедрили:
Кнопку нажал — и бревно на плече!

г. Пенза.

Борис ЛАРИН

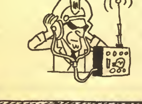
Одному поэту

Прочел ваш стих раз восемнадцать
кряду.
Как говорится, зачитал до дыр.
И, начитавшись, сделал вывод: надо
Его немедля запустить в эфир.

Пусть совершит в эфире
кругосветку.
Мы на удачу будем уповать:
Вдруг перехватит чья-нибудь
разведка
И ей удастся стих расшифровать.

г. Казань.

Камешки с Парнаса

Валентин БЕРЕСТОВ

Ответственность

Ты ни молод, ни стар. Мудрый
возраст, в котором
(Пусть далек ты от детских забав
и затей)
Даже если ты пьяный лежишь
под забором,
Все равно ты — учитель: ты учишь
детей.

Памятник

«Поэту памятник — его стихов
страницы».
Но если так, то занят он
Почти всю жизнь, как фараон,
Строительством своей гробницы.

Максим МАЦЮК

Если бы знать...

Кто создал колесо, хотел едва ли,
Чтобы на нем людей колесовали!

Оптимист

— И все же не на сковородке! —
Сказал Пескарь у Щуки в глотке.

Борис РОЩИН

Влияние

Начальник у нас рассуждать
не привык,
За промах он сразу же делает
«втык»,
А «втык» тот влияет на жизнь
человека:
От каждого «втыка» нам ближе до
ВТЭКа.

Юрий ШАНИН

Пародисту-максималисту

Сей пародист предельно мил:
Пришел, увидел, нахамил.

г. Киев.

те ваши программы, а все равно мимо нас вам на кладбище не попасть. Петр Ярема — тот давно понял, что господа монархисты — самый нищий народ в русском зарубежье. Поэтому в своей рекламке он обещает «лучшие похороны за самую дешевую плату во всех пяти районах Нью-Йорка. Часовни с охлад. системой».

Уходят, уходят из жизни бывшие правители России, выкинутые из страны восставшим народом. И уже чуть ли не как о динозаврах пишет о них нью-йоркская газета «Дейли ньюс»: «Вчера в Нью-Йорке скончался последний член профсоюза русских банщиков корнет Нижегородского уланского полка Богдан Жеребцов. В последние годы жизни мистер Жеребцов страдал глухотой — профессиональным заболеванием банщиков, вызываемым долгим пребыванием в парильне. Покойный оставил незавершенным монументальный труд: «Как покончить с коммунизмом раз и навсегда».

Но мы отвлеклись от диспута. А он в самом разгаре. Такое впечатление, что все четыре спорщика долго работали банщиками и теперь не слышат один другого. Вот бывший генерал от инфантерии, седенький и тощенький, месит кулачком воздух:

— Кер-ренский должен был оказать р-решительную помощь Корнилову и беспощадно р-р-растр-реливать р-революционер-ров!

А за столом президиума бывший предводитель дворянства, тряся головой, вслух читает составленную им декларацию:

— «Мы будем приветствовать полное уничтожение всей России. Россия теперь заражена бациллами большевизма. Лечить Россию поздно. Нужно, следовательно, ампутировать ее от остального мира любой ценой».

Так и шумят они одновременно, пока не иссякнут силы. Тут объявят перерыв. Подремлют прямо здесь же, в креслах и снова за работу. Надо же что-то делать с Россией! Время бежит. Чего доброго, не сегодня — завтра к Петру Яреме повезут.

На трибуну взбирается предводитель дворянства. Он читает «Обращение к чадам русской православной церкви»:

— «Да укажет господь путь спасения, да вернет он на всероссийский престол помазанника, законного царя из дома Романовых!»

Вот тут-то и начинается схватка не на жизнь, а на смерть. У каждой из четырех представленных на диспуте организаций — свой Романов. Причем один другого лучше.

— Хотим царевича Михаила! — рокочет генерал.

— Ваш цагевич — тгактигщик из Бгуклина! — запальчиво возражает бывший тайный советник в пенсне.

— Желаем великого князя Алексея! — кричит предводитель дворянства.

— Ваш Алексей — никакой не великий князь, а пр-реступник и мещанин Голеневский, самозванец и р-растлитель детей! — рявкает генерал.

Оказывается, ныне Романовых, ну, просто перепроизводство. Их значительно больше, чем детей лейтенанта Шмидта в романе Ильфа и Петрова. Об одном из таких претендентов на царский престол газета «Нью-Йорк таймс» писала: «Этот маленький, с щегольством одетый человек с тонкими усиками привлекал внимание американской публики и печати еще в 30-х годах, когда вдруг объявил себя великим князем Михаилом Романовым и, кроме того, почему-то Оболенским... Газетчик на Ист-Бродвее, актер оперетты, мелкий жулик и забулдыга, вдруг объявивший себя наследником русского престола, не раз бывал бит враждующими между собой монархистами. Большую часть жизни, за исключением кратких отсидок в тюрьме за мелкое мошенство, «великий князь» провел в ресторанах и барах, небрежно подписывая фальшивые чеки словом «Романов».

А вот характеристика другого «наследника», тоже взятая нами из американской печати: «В воскресенье в Чикаго будет отпраздновано 70-летие человека, имеющего себя цесаревичем Алексеем Романовым. Праздник, как гласит афишка, украшенная двуглавым орлом, будет носить воистину грандиозный характер: все напитки бесплатно, выступление артистов и танцы. Плата за вход — 5 долларов. Чеки выписывать на имя Алексея Романова». В афишке также сказано, что празднество устраивается как «признание важных заслуг, оказанных великим князем Алексеем национальной безопасности США». То, что господин Голеневский, выдающий себя за наследника Алексея, «чудом избежавшего смерти», оказывал в свое время существенные услуги ЦРУ и ФБР, достаточно хорошо известно.

Но который же из цесаревичей лучше? Кто самый достойный претендент на русский престол? Этого монархисты не могут решить. Это, оказывается, еще труднее, чем подсчитать, сколько чертей умещается на острие иголки.

А вы говорите — схоласты жили в средние века!

В. НАСОНКИН,
специальный
корреспондент Крокодила

Факты из «медвежьего угла»

Новость в деревне не утаишь. Прошел слух: колхозная пенсионерка тетка Марья покупает «Запорожца».

— Зачем тебе, старая, автомобиль? Знаешь, какие теперь дорожные правила! За десять лет не выучить.

Обиделась.

— Что ж,— говорит,— на располагаемые мною средства не могу я разве своим детям подарок купить?

Ну и купила.

Этот факт председатель исполкома Федорогорского сельского Совета Мария Андрияновна Тютрина вспомнила в связи с давним заявлением здешних крестьян самому царю-батюшке.

— Дело было так,— говорит Мария Андрияновна Тютрина.— Напомнили архангельские мужики Николаю II, что дедушка ихней императорской светлости, «ослобонив» крестьян от крепостной зависимости, обещал наделить их в достатке землей-кормилицей. Но им «облегчения от того не вышло, на половинных наделах жить стало вовсе невмочь: детей прибавилось много, а земли много ли...» Такие, мол, факты.

Царь на факты откликнулся оперативно: приказал всех жалобщиков из окрестных деревень выпороть поименно. Тогда розгами и моему папане досталось...

Пришлось решать земельный вопрос в октябре 1917 года. Сейчас в «медвежьем углу» — колхоз имени Ленина. Более тридцати трех с половиной тысяч гектаров земли. Большое молочное стадо. Хватает и техники. Каждый год выращиваем богатый урожай зерновых, картофеля, трав. Достаточно и денег у моих земляков, чтобы иметь в личном хозяйстве все, что душа пожелает... Да и правление колхоза не скупится на социально-культурные нужды.

— Доводилось ли вам, Мария Андрияновна, по общественно-деревенским делам обращаться когда-либо в столицу?

— Всякие встающие проблемы мы нашей сельсоветской властью решаем. Что самим не под силу, так у нас свои люди и в районном Совете есть, и в областном, и в Верховном РСФСР, и в Верховном СССР.

— А кто же из «своих» сейчас у власти?

— Два созыва проходила у нас в сельском Совете депутатскую практику телятница Татьяна Антоновна Морозова. Присмотрелись к ней колхозники и сказали: хватит, Татьяна! Избираем тебя в Верховный Совет России... Вот и решает Морозова вместе с другими народными представителями всероссийские дела-заботы, не забывает и о наказах земляков.

Теперь у нас такие факты.

*Шенкурский район,
Архангельской области.*

САМОЕ, САМОЕ...

60

Мануил СЕМЕНОВ, специальный корреспондент Крокодила

Память города

Человеческая память несовершенна, она может подвести в любую минуту и при самых неожиданных обстоятельствах.

С бойцом Тулуповым случилась такая неприятная история: он, сколько ни силился, не мог воссоздать мысленно образ своих дочек. Ведь прошло каких-нибудь два-три месяца с тех пор, как, взяв в руки винтовку, он ушел из дома, и вот, поди ж ты, такая напасть! Как будто он никогда не видел дочерей, не ласкал их! Неужто бои и бомбежки совсем отшибли память?

Тулупов очень страдал, а потом вспомнил слова покойной жены: дескать, старшая дочь Таня — вылитый отец. И, чтобы «свидеться» с родной кровинкой, стал часто смотреться в зеркальце, вызывая добродушные усмешки бойцов. А крохотное, положенное в вещмешок кем-то из дочерей зеркальце, оказалось волшебным: стоило только Тулупову глянуть в него, а потом закрыть глаза, как он ясно видел и Таню, и Дарью, и самую младшую дочурку — Стешу.

Эта немножко смешная, а скорее грустная история не придумана: боец Тулупов поведал ее моему однополчанину, удивительному рассказчику и фантазеру Борису, а я узнал уже от него. И вот теперь иду по его городу, по его улицам, стараясь не пропустить ни одной детали, ни одной черты в облике города, каким рисовал его нам когда-то Борис. Молодые солдаты да и офицеры в короткие фронтовые паузы слушали эти рассказы, будто чудесную легенду. И хотя у каждого был свой родной город, поселок или родная деревня, этот раскинувшийся среди русских равнин светлый град притягивал к себе, как магнит.

Конечно, наш фронтовой друг Борис не был ветераном: Октябрь он встретил девятилетним пареньком. Но яркие мальчишеские впечатления, позднее дополненные рассказами взрослых, прочитанными книгами, школьными уроками, сделали его настоящим знатоком и страстным пропагандистом революционных преобразований в отчем крае.

С какой гордостью говорил он о том, что его город совершил Октябрьский переворот всего через пять дней после Петрограда! Сколько неподдельного юмора было в его рассказе о провале затеянного вскоре после Октября архиепископом Тихоном погромного крестного хода! Вооруженные спрятанными под полой обрезами и камнями, псевдобогомольцы были насмерть перепуганы, обнаружив движущийся впереди их колонны грузовик с пулеметом, за которым сидели решительно настроенные люди с красными ленточками на груди. «Крестный ход» стал таять и бесследно испарился, как утренняя роса под горячими лучами солнца...

Я иду по его городу и узнаю улицы, по которым ходил он. Вот Театральная, долгое время называвшаяся улицей 11 Мая. Это памятная для горожан дата: в этот день в 1917 году была ликвидирована размещавшаяся здесь городская дума — последний оплот буржуазии. С Театральной выхожу на проспект Революции, где находится знаменитая гостиница «Центральная». Но если вы спросите у юной, в кудряшках администраторши, чем прославилось учреждение, где она служит, то девушка может сказать, что не знает. А вот Борис знал и рассказал нам...

В 1919 году здесь, в бывшем приюте заезжих дворян и чиновников, именовавшемся «Бристолем», обосновался штаб белого генерала Шкуро. Сюда-то, прямо в белогвардейское логово, и явился переодетый в офицерскую одежду буденновский разведчик и вручил дежурному адъютанту увесистый пакет. В коллективном послании буденновцы извещали, что завтра они возьмут город, и предлагали Шкуро выстроить уцелевшее белое войско на площади Круглых рядов. Ультиматум его авторы составили в крепких выражениях. До сих пор этот исторический документ вгоняет в густую краску архивариусов—представительниц прекрасного пола. Шкуро был разъярен, словно раненный на корриде бык, и дал приказ о немедленном наступлении на позиции красных конников. Цель, поставленная С. М. Буденным — взбесить белогвардейского зверя, выманить его из города, а затем разгромить в открытом поле,— была выполнена блестяще. Дерзким разведчиком буденновцев был Олеко Дундич, отважный боец Красной Армии из далекой Сербии.

Многие улицы города — будто указатели в легендарное прошлое. Они названы в честь героев, боровшихся за укрепление власти Советов в кровопролитных боях. Канули в вечность Большая и Малая дворянские, Жандармская, Поповорыночная, Первая и Вторая Николаевские; на их месте город написал имена чекиста Николая Алексеевского, кузнеца Дмитрия Бутина, полководца Оки Городовикова, профессионального революционера Николая Кардашева и многих других подвижников революции и гражданской войны.

Город не забыл и не забудет отважных дочерей и сынов своих, хотя безжалостное время далеко отодвинуло их дела и деяния. Я поднимаюсь по круто бегущей вверх небольшой улочке. Где-то тут на булыжной мостовой лежало тело студента Николая Таранченко, убитого монархистами. Улочка с фамилией студента-революционера на угловых табличках выводит на Университетскую площадь. И снова пронзительный зрительный образ, как короткий удар в сердце. Скромный каменный монумент. Чью доблесть запечатлел он? На монументе нет имен, а лишь короткая надпись: «Сотрудникам и студентам университета, павшим в боях за Родину. 1941—1945».

В городе и его окрестностях много волнующих и горьких замет нашей недавней боевой истории. Песчаный лог — извилистый, действительно песчаный овраг — место казни раненых красноармейцев, женщин, стариков, детей, захваченных гитлеровцами в госпитале, размещавшемся в классных комнатах школы № 29. Хожу по усыпанной скрипучей галькой дорожке, читаю русские, украинские, казахские, башкирские фамилии, начертанные на каменных плитах. Фамилий много, но перечислены не все: фашисты расстреляли 452 горожанина. О них теперь напоминает лишь печально-торжественный мраморный обелиск.

Чижовский плацдарм. Здесь шли врукопашную бойцы 60-й армии, в составе которой была и 303-я сибирская дивизия, сражавшаяся с особенным порывом и бесстрашием. Теперь на Чижовке пост № 1 городской пионерской организации. Мимо каменных стен с именами павших солдат и офицеров, мимо пламенеющих яркими цветами клумб, четко печатая шаг, идут юные пионеры в солдатских пилотках и с автоматами в руках, идут к Вечному огню. Каждый час меняется почетный караул. И, глядя на него, не могут сдержать волнение седые ветераны...

Несколько лет назад они привезли из сибирской тайги молодые кедры и посадили у подножия монумента-мемориала. Южная знойная природа неласково обходится с ними, деревца приживаются с трудом, но один кедрок уже набрал силу и высоко взметнул в небо свои ласковые зеленые руки...

Память города надежней и долговечней человеческой. Уже более ста восьмидесяти лет минуло с той поры, когда в список горожан — простолюдинов, купцов, дворян вписался сам царь-полководец, строитель, дипломат. И числится в нем поныне. Бронзовый, опершись правой рукой на якорь, стоит он на Петровском сквере. История памятника драматична. Созданный скульптором-академиком Д. И. Гриммом, он простоял больше восьмидесяти лет. В 1942 году, грабя город, гитлеровские разбойники вывезли в рейх и бронзовое изваяние Петра. Четырнадцать лет каменный постамент пустовал, пока на нем не был установлен, по существу, новый памятник Петру Первому работы скульптора Н. П. Гаврилова, с пушками и корабельными якорями у подножия — знаками славы русского флота.

О Петре, создателе боевой черноморской армады, наш друг Борис говорил особенно охотно.

— Не зря царь выбрал для верфей наш город,— радостно сверкал большими, в щедрой опушке глазами, рассказывал он.— Где бы еще нашел Петр такие могучие сосновые рощи и дубравы? А наши горожане — отчаянные выходцы с Дона и умельцы. Нет, что ни говорите, а корабельное дело от нас пошло!

— Ну и загибаешь ты, Борис! — подзадоривал кто-нибудь.

— Нисколечко! — парировал рассказчик.— А возьмите вы швальни. Откуда они по всему югу России растеклись? Опять же от нас! Сам Петр учил мастеров, как должно владеть ножницами и иголкой с нитками.

И Борис наизусть цитировал петровскую инструкцию портным первой учрежденной в городе швальни о том, чтобы сшитое ими платье «сидело не мешкотно, а в самую пору по фигуре, и кто горбит, чтобы тот горб не виделся, а кто на плечи разницу имеет или пузо великое, чтоб та разница и пузо от людей сокрыты были».

Слушатели смеялись, а потом замечали, что Борис, улучив свободную минуту, сам что-то мастерит.

— Чего творишь-то? — спрашивали его.

— Да вот чертежик один готовлю,— отвечал он.— И детальки кое-какие. Хочу кораблик построить.

— Прямо тут, в блиндаже?

— Нет, когда война кончится, когда домой вернусь. Сделаю корабль, посажу в него своих ребят, и поплывем мы к Азову, где петровские пушки гремели...

Духовная связь времен непостижима. Эти слова Бориса я отчетливо вспомнил, стоя на берегу рукотворного моря, что подковой опоясало половину города, и глядя на кораблик, покачиваемый легким бризом. Это был кораблик из его рассказа — точная копия флагманского фрегата Петра, построенного заводскими комсомольцами и оснащенного ребятами из детского парка Левобережного района, членами кружка корабелов и мореходов.

И еще раз припомнился его рассказ. Со старожилом Сергеем Александровичем Синицыным мы осматривали новые жилые кварталы Северного района города.

— А что тут было раньше? — спросил я.

— Аэродром,— ответил Сергей Александрович и показал на приземистое здание бывшего аэровокзала, где теперь разместился филиал швейной фабрики «Работница».

Я поинтересовался:

— Хорошо ли в «Работнице» шьют?

— Отлично,— последовал ответ.— Причем на любую фигуру. Наверное, не забывают наказ Петра — шить «не мешкотно и в самую пору».

Конечно же, теперь в городе не тешут из стройных сосен и елей шпангоуты и мачты для деревянных восьмидесятипушечных кораблей. Но рожденные на здешнем заводе гигантские воздушные лайнеры знают сейчас во всем мире.

Время берет свое, время стремительно мчится вперед. Однако многое из того, что было в прошлом, не исчезло бесследно. Город, который мы на фронте узнали по рассказам Бориса, живет. Живет город, с которым связали свою судьбу Кольцов и Никитин, которому отдали частицу своей души Докучаев и Пятницкий, Фабрициус и Ватутин, Бурденко и Дуров, Веневитинов и Маршак.

Нашлось в его совсем не электронных запоминающих устройствах местечко и для нашего фронтового друга. В городском музее бережно хранятся его фотография и орден Отечественной войны. А сам писатель Борис Глебович Песков погиб в боях за освобождение Советской Эстонии в 1944 году.

Свидетелем многих исторических событий был этот город, много видел славных лиц. И каждое событие запечатлел, каждое лицо запомнил. Ничто не выпало, ничто не ушло из его сердца. Свято хранит он дорогие реликвии прошлого, добрые традиции прежних времен, потому что они наполняют живительными силами его сегодняшнюю жизнь.

У города хорошая память.

г. Воронеж.

Румен БАЛАБАНОВ (Болгария)

Двадцать из шестидесяти

Васил БЕЛЧЕВ, заместитель начальника интернационального СМУ-4

Дружеский шарж В. МОЧАЛОВА

Шестьдесят лет — много это или мало?

Много или мало времени от Ленина до Гагарина, от Шатурской электростанции до БАМа, от залпа «Авроры» до нефтепровода «Дружба»? От деревянной сохи и понурого Савраски до могучих крыльев «ИЛ-62»? И очень много и в то же время мало.

Что такое двадцать лет в истории Советского Союза, я понял в Железногорске. Думаю, что эта точка на карте стоит того, чтобы о ней рассказать подробнее. Всего лишь двадцать лет назад такого города не существовало. Было ровное поле. И когда приехали первые строители и начали ставить деревянные бараки, старый пастух спросил у молодых приезжих:

— Что вы тут собираетесь делать, ребята?

— Будем строить город.

— Э-хе-хе! — горько усмехнулся старик.— Смеетесь над дедом. В нашем селе конюшню пять лет никак не построят, а вы — «город»!

Нет, над дедом и не думали смеяться. Через несколько лет на голом месте вырос не только город, но и гигантский промышленный комплекс.

Автомобиль въезжает под бетонную арку с надписью «Железногорск», и я убеждаюсь, что здесь, в этой удивительной стране, даже два десятка лет — срок огромный. Современный город с многоэтажными кварталами и широкими проспектами возник передо мной, как в сказке.

— Это и есть знаменитая Курская магнитная аномалия! — догадываюсь я.

— Нет,— поправляют меня,— это лишь точка на карте Курской магнитной аномалии.

Ничего не понимаю! Киоск, где продают сигареты,— торговая точка. Город, который сделал бы честь любому западноевропейскому государству, тоже, оказывается, точка. Впрочем, что же в этом удивительного, если страна занимает одну шестую площади земного шара?!

К городу примыкают гигантские котлованы — открытые разработки. На дно километровых чаш ведут террасы, вырубленные в склонах. Все черно-красное пространство земляных впадин изборождено железнодорожными рельсами и автомобильными путями, по которым, словно желтые жуки, ползут туда и обратно тяжеловесные БелАЗы.

Есть у этих мест и своя легенда. Много веков назад полчища захватчиков, вооруженных металлическими копьями и щитами, ворвались в эти земли. И произошло чудо. Копья и щиты словно примерзли к земле. Никакая сила не могла вырвать их из магнитных объятий. Вражеское войско было разбито наголову. Земля постояла за себя.

Как хочется вниз, на дно этой чаши! Опасливо поглядываю на подошвы ботинок: нет ли там металлических подковок? Все в порядке — ботинки на резине. Мой новый друг Михаил Георгиевич Попов, секретарь парткома заводоуправления, с улыбкой протягивает резиновые сапоги.

— Так вернее,— говорит он.

— От магнита?

— От грязи. Там, внизу, она очень прилипчивая.

Надеваю сапоги и сразу чувствую себя почти героем, участником гигантской трудовой страды.

— Не хотите ли подняться на экскаватор?

Как этот улыбчивый человек читает мои мысли? Конечно, хочу! Когда еще мне представится такая возможность?

По железной лестнице я поднимаюсь вверх, пока не достигаю кабины управления. На сорокаметровой высоте правит веселый парень с мальчишеской физиономией. Испытующе посмотрев на меня, он включает двигатель. Сорокатонные БелАЗы подкатывают по очереди к нашему ковшу, оседают под тяжестью руды и, взревев моторами, отъезжают. И выглядят они вовсе не исполинами: ведь я смотрю на них с высоты птичьего полета...

Из Железногорска меня провожали русские и болгары. Моих соотечественников здесь оказалось много. Это строители. Днем они оглашают болгарской речью стройки города, а вечером распевают болгарские песни в клубе, в ресторанах и на улицах. И никто их не останавливает, напротив, русские товарищи с удовольствием присоединяются к ним... В софийских ресторанах по части хорового пения порядки куда суровее...

Почти треть молодых ребят, приехавших сюда работать из Болгарии, связали свою жизнь с русскими девушками. Как сказал мне по этому поводу один рабочий:

— Чего удивляться! Бригады-то интернациональные, а какие бригады, такие и семьи!

Я уезжал отсюда с блокнотом, полным записей, с сердцем, переполненным дружескими чувствами, с мечтой прожить еще сорок лет и вновь приехать сюда — посмотреть, как великая Страна Советов будет праздновать свое столетие.

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ.

Л. ЕФИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

Секрет долголетия

Для своих ста сорока трех лет Меджид смотрится вполне молодо. Ему не дашь и ста. Мы беседуем с ним в селении Тикябанд, Лерикского района, Азербайджанской ССР.

Здесь живет сейчас старейший житель Земли, не говоря уже о подрастающем поколении долгожителей. По крайней мере десятерым тикябандцам в целом уже исполнилось более тысячи лет.

— Давно установлено,— сказал по этому поводу директор Института геронтологии академик АМН СССР Дмитрий Федорович Чеботарев,— что в мире существуют определенные оазисы долголетия. И Лерикский район, куда входит селение Тикябанд, является одним из них. Назовем также Нагорный Карабах, где на сто тысяч жителей приходится вдвое больше «ветеранов Земли», чем на остальной территории Азербайджана. Что же касается Англии, например, то Нагорный Карабах превосходит ее по количеству долгожителей в двести раз, а Японию — в тысячу.

— Болею ли я? — переспрашивает Меджид.— Никогда. Ведь к нам далеко не всегда могут добраться врачи...

Самому младшему сыну Агаева сейчас сорок три. Так что путем простых вычислений приходишь к мысли, что Меджид стал отцом ровно в сто. Впрочем, это уже не секрет, а итог долголетия.

Что же касается секрета как такового, то мы его здесь так и не обнаружили. Более того: Агаев признался, что тайно покуривает в рукав, чтобы не узнали праправнуки и ученые.

Сколько трудился? Сто тридцать лет. В его послужном списке всего одна запись: чабан. Вступил в колхоз, когда исполнилось сто. Заметим попутно, что, по словам одного геронтолога, еще ни один лентяй не дожил до глубокой старости.

Но, может быть, горы укрыли Агаева от перегрузок XX века? И именно здесь, в Тикябанде, находится хрестоматийный пастушеский рай, где, кроме весеннего грома, из внешнего мира не поступает решительно никакой информации?..

— Раскройте свои блокноты,— говорит Меджид,— и запишите: считаю, что мне только шестьдесят. Именно шестьдесят лет назад у меня пробудился настоящий интерес к жизни.

В лабораториях Института геронтологии я побывал там, где разные академики, не говоря уже о членах-корреспондентах, вдумчиво смотрят в электронные микроскопы. Увы, даже синьора Софи Лорен состоит из отдельных молекул. Так что учиться управлять видовой продолжительностью жизни людей нужно на молекулярном уровне. Впрочем, истинную причину человеческого долголетия нельзя рассмотреть даже в самый мощный микроскоп. Здесь нужны совсем иные приборы, позволяющие увидеть проблему в ее социальном аспекте.

— По количеству долгожителей наша страна занимает первое место в мире,— говорит Дмитрий Федорович Чеботарев.

Меджид Агаев провожает нас до порога.

— Я уверен,— говорит он,— настанет такое время, когда людей, не достигших ста лет, не будут пускать на фильмы для взрослых.

— Так что нам по крайней мере уже известно одно,— комментирует Дмитрий Федорович Чеботарев.— Чтобы прожить сто сорок три года, нужно уметь смеяться.

Тикябанд—Киев

В приветственном послании участникам экспедиции к Северному полюсу Л. И. Брежнев назвал Северный морской путь

НА ГЛАВНОЙ МА

Е. ГУРОВ, Р. КИРЕЕВ, специальные корреспонденты Крокодила

Вот что написано над штурманским столом, за которым ведется судовой журнал «Федора Охлопкова», теплохода родного:

ПИШЕМ, ЧТО НАБЛЮДАЕМ, А ЧЕГО НЕ НАБЛЮДАЕМ, ТОГО НЕ ПИШЕМ

Штурманский офицер Будрин.

Родного — нам, ибо именно на этом теплоходе начали мы свой вояж по Северному морскому пути. А потому как было не внять авторитетным рекомендациям мужественного офицера? Внимая же, сообщаем: льда не было. И потому напрасно, провожая нас, вздыхали жены, напрасно совали они нам, несмотря на август, теплое белье и галеты «Юность» — на случай непредвиденного вмерзания в дрейфующую льдину. Напрасно тот из нас, который рисует, подбирал соответствующего цвета фломастеры для сугубо реалистического изображения «белого безмолвия», пишущий же товарищ заблаговременно нашаривал соответственные эпитеты. Напрасно! Не было, не было, не было льда, если не считать едва различимых вкраплений в расселинах мыса Сердца-Камень да полдюжины хвостатых точек в локаторе, взглянув на которые, капитан Чурсин пророкнл: «Льдины»—и прибавил бдительности. Вот все.

— Первая такая навигация за последние четверть века,— сказал другой капитан, Абоносимов, а это как раз тот человек, которому следует верить. К тому же не в сухопутном кабинете произнес он это, а на мостике «Адмирала Макарова», одного из мощнейших наших ледоколов, что который уж день безработно стоял у мыса Рыпильника.

Словом, приключений не будет. Вы не услышите грохота взламываемого льда и не увидите, как и мы, белых медведей. Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем.

Это позывные теплохода "Федор Охлопков",

это — теплохода "Камчатка",

а это значит: "Желаю Вам счастливого плавания!"

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Страна, празднуя, сравнивает: так было шесть десятилетий тому, а вот так, гляньте, стало теперь. Мы же не можем. Не с чем сравнивать нам то, что стало нынче арктическим поселком Тикси: еще полвека назад его попросту не существовало. Запоздавшая история начинается тут с 27 мая 1932 года, когда пароход «Александр Сибиряков» вошел в бухту, у которой будущий поселок и мощный арктический порт позаимствовали название. Из Архангельска на восток пробивался «Сибиряков» сквозь льды, которые в отличие от нынешней навигации были. «Проложить окончательный морской путь от Белого моря до Берингова пролива,— сформулировал задачу Совнарком СССР, — оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить плавание по этому пути».

Так начинался Тикси, нынешний административный центр района, равного по территории Бельгии, Дании, Голландии, Португалии и Швейцарии, вместе взятым.

Всего три месяца длится тут навигация, и ради этих-то трех месяцев вырос поселок на широте, где подберезовики выше берез, поскольку они, подберезовики, стоят, а березы стелятся. Иных деревьев тут нету.

КТО ВЫ, КАПИТАН ЧУРСИН?

Это ничего, что не было льдов — были плоты, и наши жаждущие героизма глаза насытились вдоволь. Что цирковые акробаты по сравнению с асами, выделывающими на плавающих в студеной воде бревнах умопомрачительные па! «Бревнах»,— описалось сухопутное перо, а правильней было б: «концах». «Концы» подгоняют к плавкрану, тот захватывает их и опускает в трюм. 23 927 концов вез теплоход «Федор Охлопков», на котором мы имели честь пройти от Тикси до Певека. 23 927 — вас удивляет эта въедливая точность?

Кто он, нынешний морской волк? Искушенный бухгалтер, постигший все тонкости счетного дела. Коммерсант, способный мгновенно оценить, какой груз выгоден, а какой нет. Дока по части юриспруденции. Вы поймете это, даже не зная, что перед вами студент-заочник юридического факультета: столь ловко оперирует он кодексами и статьями. «Скупердяй»,— наверняка прибавит кое-кто, ибо разве не он подымает скандал из-за получасового простоя или заставляет слить из танкеров часть пресной воды, дабы взять на борт лишний десяток тонн груза?

Бухгалтер, коммерсант, юрист, он же капитан дальнего плавания Виктор Григорьевич Чурсин—будьте знакомы! Предводимый им теплоход «Федор Охлопков» признан лучшим в Северо-восточном управлении.

Мы откроем вам один секрет: у капитана Чурсина мозоль на указательном пальце — от писанины (отчеты, сводки, акты — кошмар!), но вы не думайте, что это завершающий штрих и, коли уж положен он, то перед нами законченный портрет этакого плавающего канцеляриста. Он задира, капитан Чурсин, и, сэкономив пятнадцать с половиной часов стояночного времени, бросает вызов всем судам арктического бассейна: кто больше?

ШТУРМАН, СЧИТАЙ СЕБЯ БЛИЖЕ К ОПАСНОСТИ

Это мудрое изречение выведено на переборке, отделяющей штурманскую рубку от рулевой. И не напрасно, ибо за бортом — Арктика, которая оставалась Арктикой даже в ту сугубо праздничную навигацию, какой явилась навигация нынешняя.

Туман, и каждые две минуты тревожно гудит пароход, предупреждая возможные встречные суда о своем приближении. Работают локаторы, но, как во время легендарного Лаперуза, выслан на бак впередсмотрящий — потомственный моряк Святослав Карцев. Это курсант—и он не один на судне, их целая группа — из Одесской «мореходки». Все правильно, ибо где еще получишь этакое морское крещение!

Надо вам сказать, что салага на борту узнается сразу — хотя бы по тельняшке, которую истый морской волк надевать забывает. Как вы понимаете, мы оба начали свои московские сборы именно с тельняшек...

Вместо посуленных службой погоды двух баллов разыгрались все шесть, и потому, как ни прижимист на время капитан Чурсин, пришлось останавливаться и крепить «караван» — ту часть леса, которую везли на палубе. Корабль мотало, а тут еще третий помощник, коренной одессит Миша Борин доложил, что видит в локаторе судно, которое движется презабавным образом. Оставив недопитый чай, капитан в шлепанцах бросился наверх. Мы, разумеется, последовали за ним. А загадочных судов было уже два, три, четыре... «Льдины»,— поставил диагноз Чурсин, и мы с благоговением поглядели на такие невинные с виду хвостатые точки. Невинные! Однако капитан уже не покидал мостика.

А между тем
не шла своим
ты, фильмы ар
давности, телеф
гулярно принима
ропавловска-на
чальником ра
Яфановым,
ные и профсою
и даже один
ках объявлени
Советом Мира
бы против ней
бы. Решили:

Теплоход «Федор Охлопков» идет «в грузу», как говорят моряки. (Крестиком отмечены наши корреспонденты.)

фонд мира од
работок экипа
всегда близко
нимали проис
рест.

МАЙНА

Слово «бар»,
имеет еще о
весьма далекое
кантного, к
выкло наше не
Бар — это при
чаный вал, на
дающей в это
в нашем с вам
дигиркой. Имен
стояло перегру
том море шест
на речные суда
довать дальше,

Стыковка, о
стоялась: мы пр
ли якорь, ог
аукали в эф
а предупрежда
граммы межд
посланы. Лиш
сколько часов
речники, самох
жа подошла че

Речники и мо
ношения слож
шения между п
лийском парлам
беремся быть
боясь необъек
скольку плавал

главной национальной транспортной магистралью в Арктике.

ГИСТРАЛИ

жизнь на суд-
чередом: вах-
геологической
фотогазета, ре-
емая из Пет-
Камчатке на-
Анатолием
роизводствен-
ные собрания
тиг в рам-
Всемирным
Недели борь-
тронной бом-
отправить в

одиевный за-
ка. Моряки
сердцу при-
ходящее ок-

-ВИРА

оказывается,
но значение,
от того пи-
торому при-
морякое ухо.
брежный пес-
есенный впа-
месте рекой,
случае — Ни-
но тут пред-
зить в откры-
ет тонн леса
а самим сле-
на Певек.
нако, не со-
ибыли, броси-
ялелись, по-
р — ни души,
ющие радио-
тем были
через не-
откликнулись
дная же бар-
ез сутки.
ряки... Их от-
ы, как отно-
ртиями в анг-
енте, и мы не
тут арбитром,
тивности, по-
-то мы и ели

хлеб-соль с моряками. Но вот очевидно: речникам на этот раз пофартило. Уж наш дока-капитан не преминул бы содрать с них денежки за простой, но шла приличная вода и осторожные правила судоходства не рекомендовали швартоваться.

Пока стояли на якоре, судовой врач Сергей Александрович Гришин чинил рыболовные снасти, предсудкома Борис Шварцман информировал команду о текущем положении на африканском континенте, а камбуз готовил экипажу подарок: вареники с картошкой.

Утром началась самовыгрузка, в которой участвовали все. Прикинув, капитан Чурсин заметил, что потребуется еще одна баржа, однако он ошибся, наш многоопытный кэп. Не учел, что речники тоже борются за высокую производительность.

Все шестьсот тонн поместили они, после чего мы расстались, галантно поприветствовав друг друга гудками.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Это Певек, но, когда на рассвете мы подходили к нему, поднявшийся на мостик капитан удивленно вскинул брови.

— Что за тропики тут у вас?

Так ярко светило солнце, так синело море, так зеленели сопки... А в центре города жарили на углях шашлыки и разливали сухое вино изумительного букета. Арктика... Но это уже было после, сейчас же мы только-только входили в бухту.

Поднявшийся на борт лоцман Павел Николаевич Яшанин, ветеран Заполярья, играючи пришвартовал судно. И тут произошло нечто странное. Концы еще не были закреплены, а на палубу попрыгали какие-то люди в касках, завозились, задвигались, стали освобождать «караван». Это были портовые докеры.

— Дайте привязаться! — прогремел в репродуктор капитан, но тут его вежливо взял за локоть некто с папкой.

— Будьте добры! — и протянул бумаги.— Я представитель порта, а это договор о комплексном соревновании между нами и вами. Не угодно ли подписать?

Угодно! Подпись капитана еще не была скреплена печатью, а подъемный кран уже вздымал во исполнение договора первую «виру».

Три месяца с небольшим длится арктическая навигация, и за это время надо на целый год обеспечить всем необходимым полярников и золотодобытчиков, оленеводов и строителей.

— Приходится спешить,— говорит начальник штаба ледовых операций Восточной Арктики Владимир Петрович Жеребятьев, один из старейших ледокольных капитанов страны. Знаете, что растет на окне в его кабинете? Огурцы. Самые обыкновенные, пупырчатые огурцы, но, признаться, они показались нам экзотическими. А потом привыкли, ибо нет в арктическом Певеке ни одного окна, на котором не буйствовала бы растительность. Даже в полярную ночь здесь можно купить свежие цветы — из местной оранжереи.

В ГОСТЯХ И ДОМА

Домом был теплоход «Камчатка», на котором мы отправились в сторону Берингова пролива, в гости же мы пришли на ледокол «Адмирал Макаров», что стоял на якоре возле мыса Рыпильинка.

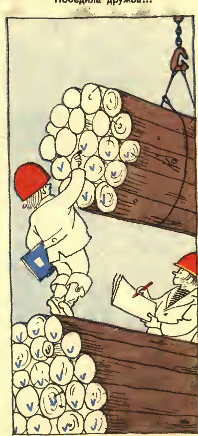
Мы брали у него горючее, поскольку самому ледоколу оно пока что не требовалось: ледовый массив подвинулся далеко на север. Вы помните, что сказал по этому поводу капитан ледокола Абоносимов: первая такая навигация за последние четверть века. И прибавил, вздохнув: «Скучно!»

Не станем сыпать цифрами, впечатляя. Да и что вам, наш сухопутный читатель, все эти водоизмещения, осадки и дедвейты. Лучше мы сдержанно проинформируем вас, что на его борту — крытый плавательный бассейн с подогретой морской водой и скоростной лифт, который мгновенно подымет вас из стерильной бездны машинного отделения на капитанский мостик. И здесь, на мостике, даже самый не искушенный в навигации человек может без труда проделать то, что моряки издревле именуют загадочно «взять точку».

На обычном судне этот момент напряженный и для постороннего взгляда загадочный. От локатора к пеленгатору мечется штурман, пускаются в ход циркули и логарифмические линейки, что-то вычерчивается на карте... «Адмиралу Макарову» неведома эта суета. На «Адмирале Макарове» достаточно взглянуть на электрическое табло и прочитать без торопливости: «69 градусов 29 минут 72 секунды северной широты и 178 градусов 19 минут 67 секунд восточной долготы».

Памятными оказались эти координаты для судов «Макаров» и «Камчатка», ибо именно в них состоялась товарищеская встреча по волейболу между двумя экипажами. Проходила она в просторном ангаре для вертолета, который временно стоял на палубе.

Победила дружба...

Бревно — палочка. Бревно — палочка. Бревно в трюм, палочки в тетрадь. А галочки, чтобы со счета не сбиться.

ИЗ СЕГОДНЯ — ВО ВЧЕРА

Это произошло, когда «Камчатка» пересекла в проливе Лонга знаменитый 180-й меридиан, рассекающий планету на две равные половинки. На восточном полушарии было уже «сегодня», а на западном еще длилось «вчера». Но это не вывело экипаж из цейтнота: был конец месяца, и традиционно подбивались бабки. Решалось, кого на доску почета, кто лучший по профессии, у кого «хорошая работа», а кого пока что оставить в разряде «соревнующийся»: есть в торговом флоте и такая оценка моряцкого труда.

В полдень по судовому времени и в полночь по Гринвичу, относительно которого мы находились как раз на противоположном конце «шарика», «Камчатка» пересекла Северный Полярный круг, о чем незамедлительно информировал экипаж третий штурман Владимир Мигунов. Но он был шутник, третий штурман, и потому присовокупил:

— Желающих увидеть это уникальное географическое явление прошу подняться на верхнюю палубу.

Мы рванулись, и это оказалось самым забавным, чего дождались от нас моряки, исподволь наблюдавшие за корреспондентами «Крокодила» с интересом и надеждою.

А спустя некоторое время «Камчатка» вошла в разделяющий материки узкий Берингов пролив. Справа — голая высокая скала, мыс Дежнева, слева — Америка, а впереди — Тихий океан...

* * *

«Впереди—Тихий океан»— написано тут, но слишком элегически звучат эти слова, и никак не слыхать в них ни грохота льдин, ни жалобных поскрипываний судов, ни резких команд... А все было, и если не в эту навигацию, то во многие предыдущие. В течение нескольких десятилетий осваивала страна то, что ныне известно миру под именем Северного морского пути.

«Если сравнить Россию со зданием, то нельзя не признать, что фасад его выходит на Северный Ледовитый океан». Это сказал адмирал Макаров, человек компетентный. Стало быть, фасад? Ну что же, он вполне достоин великого здания.

Арктика.

Капитан «Федора Охлопкова» Виктор Григорьевич Чурсин отлично знает свое дело и, видно, поэтому не придает значения атрибутам «морского волка». Впрочем, фуражка с «крабом» и трубка лежат в каюте.

Курсант Одесской «мореходки» Сергей Суббота на «Федоре Охлопкове» матрос палубной команды. Но в ответственный момент швартовки его место у штурвала.

Василий Васильевич Кокарев, по-морскому «дед», что значит стармех, или, еще точнее, старший механик теплохода «Федор Охлопков».

— Мама знает, что я пеку хлеб, знает, что на севере. Но вот что я в море... узнает, если рисунок напечатаете, — говорит пекарь теплохода «Камчатка» Мария Самохина.

Вопрос, что собирается делать его младший брат, смешон Виталию Горютскому, матросу «Камчатки»:

— Отец — моряк, старший брат — моряк, я моряк... Куда ж младшему, кроме моря...

ВО… СВЕТА И ТЬМЫ

КРОКОДИЛЬСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ГАЗЕТА
Специальный выпуск № 3, посвященный правам человека на Западе

— А у нас при безработице самая работа!

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Конституция по-североирландски

То, что жителям Северной Ирландии постоянно приходится оглядываться по сторонам, увы, стало печальной нормой. Вышел из дома — оглянись, не целится ли в тебя протестантский ультра. Пошел к тетке на именины — чаще верти головой, чтобы не попасть под облаву английских солдат. А чуть зазевался — вот ты уже и не у тети, а в участке.

И тут уж бесполезно твердить о демократическом праве на свободу передвижения.

Если, например, Би-Би-Си а сотый раз провозгласит, что каждый гражданин имеет право на свободу, весьма полезно оглянуться на действующий в Северной Ирландии Закон о чрезвычайных полномочиях, где сказано, что всякого можно арестовать по одному лишь подозрению и держать под арестом трое суток.

А будете возмущаться и «качать права», тут же запросто угодите под раздел 7 «закона о борьбе с терроризмом» и просидите в каталажке не трое суток, а все семь.

Если же вам все-таки удалось благополучно добраться до тети, то тоже не особенно радуйтесь, а лучше подсчитайте, сколько у тети собралось народу. И если больше трех, то поскорее откланивайтесь, не дожидаясь, пока вас разгонят солдаты. И бесполезно ссылаться на демократическое право собраний, потому что вам тут же укажут на раздел 22 Закона о чрезвычайных полномочиях — больше трех не собираться.

Если же вы, к счастью, оказались с тетей тет-а-тет, то постарайтесь говорить с ней преимущественно о погоде, и боже вас упаси упомянуть о том, что в Северной Ирландии тревожно, а английские солдаты что хотят, то и делают. Вопреки благоуханному праву на свободу слова вы тут же попадете под раздел 20 Закона о чрезвычайных полномочиях и вместе с тетей можете угодить в тюрьму за «распространение информации, полезной террористам».

Словом, даже с тетей не надо быть тютей, а почаще оглядываться на разделы закона. Иначе вам не сможет помочь даже изумительное великобританское право на справедливый суд. Потому что раздел 2 Закона о чрезвычайных полномочиях отменяет суд присяжных, а раздел 5 разрешает использовать показания людей, которых невозможно вызвать в суд. Другими словами, любая анонимка может упекать вас за решетку. Так что, как видите, будучи североирландцем, лучше всего сидеть дома и не высовываться. Потому что если и минет вас пуля протестантского ультра, то уж под какой-нибудь раздел чрезвычайного закона попадете точно. И никакая Демократия с самой большой буквы вам не поможет.

Впрочем, и дома сидеть тоже не очень безопасно, так как право на неприкосновенность жилища отрицается сразу шестью разделами Закона о чрезвычайных полномочиях. И солдаты могут ввалиться в ваш дом, когда им угодно, и перевернуть все в порядке обыска. А то и сделать из вашего дома долговременную огневую точку для обстрела демонстрантов...

Письмо президенту

Многие помнят сжатый кулак американского олимпийского чемпиона Томми Смита. Стоя на пьедестале почета — его наградили золотой медалью за победу на дистанции 200 метров,— чернокожий спортсмен поднял вверх сжатый кулак в знак протеста против дискриминации негров в США. Очевидцами этой необычной демонстрации за права негров были миллионы телезрителей во всем мире.

Сразу по возвращении в США олимпийский чемпион заметил подозрительное отсутствие оваций. Он собирался продолжить занятия социологией в университете Сан-Хосе (Калифорния), но не мог: для него «не было места». Не нашлось места и в других университетах. Тогда он стал профессиональным игроком в бейсбол. Он играл за команду «Цинциннати бенгалс», был там лучшим игроком, но что толку, если белые расисты на трибунах постоянно его освистывали, оскорбляли, угрожали ему. А руководство клуба «Цинциннати бенгалс» предупреждали по телефону, что им будет плохо, если они не уволят черного.

Томми Смит был вынужден покинуть команду. Вначале на него накинулись вербовщики других бейсбольных клубов, но ни один так и не заключил с ним контракт, поскольку анонимные звонки настоятельно предостерегали клубы от услуг «черного изменника».

Томми Смит эмигрировал в Канаду, там он зарабатывал на хлеб игрой в бейсбол. Но недолго. Руки американских расистов протянулись и туда. Однажды ночью подожгли помещение клуба, за который играл Смит. Тогда Томми снова вернулся в США и сумел устроиться преподавателем физкультуры в колледже Оберлин в Лос-Анджелесе. Однако через полгода его снова уволили: опять надавили расисты. Они не могут простить ему сжатого кулака на Олимпийском стадионе. Томми Смит, уже 28-летний, остался без работы.

И вот он сел за стол, взял ручку и написал письмо президенту Картеру. Томми Смит честно обрисовал и унижения и гонения, которым подвергался. До сих пор он ждет ответа президента.

Смотря с какой стороны

От нашего специального корреспондента Льва СКАМЕЙКИНА

Пивная «Золотой индюк» в Дюссельдорфе была переполнена, но это меня не смутило, поскольку редакция «ВСИТ» поручила мне побеседовать с местными жителями о правах человека в ФРГ, а где же еще человек так склонен к задушевным беседам, как не за кружкой пива!

Мне повезло: за столиком, где сидело двое пожилых гостей, освободилось третье место, и я не мешкая занял его. Не прошло и минуты, как кельнер поставил передо мною кружку пенистого пива. Можно было приступать к выполнению задания.

— Разрешите осведомиться, господа...— с этими словами я вручил соседям по столу свою визитную карточку,— как обстоит дело с защитой прав человека в вашей Бундесреспублике?

— Хм, противоречиво обстоит. И так и эдак,— ответил сосед слева.

— Если можно, поконкретней.

— Ну, к примеру, суд оштрафовал господина Фрея, редактора газеты «Националь цайтунг», на которую у нас молятся и стар и млад нацистского пошиба. Уж очень Фрей прославлял в своей газете мокрые дела Скорцени, любимца и сподвижника фюрера. Но ведь штраф, наложенный на Фрея,— прямое нарушение прав редактора Фрея на свободное выражение мнения, не правда ли? И вдобавок вопиющая несправедливость — почему фюрера можно прославлять и книжно и широкоэкранно, а его подручного нельзя? А?

— Гм, оригинальная концепция,— сказал я.— Но мои симпатии, честно говоря, на стороне судьи. В данном случае он поступил правильно.

— Вы так считаете? Так вот, к вашему сведению, суд второй инстанции вчера оправдал редактора Фрея и отменил штраф. Права Фрея, человека и редактора, защищены!

— Вероятно, это уникальный, нетипичный случай.

— Почему же вы такого низкого мнения о нашей боннской юстиции? — усмехнулся мой со-

Конституция с секретом

— Ваша честь, нет ли у вас тут в суде утюга, желательно горячего? — с такой странной просьбой обратились к судье два западногерманских учителя, Г. Кольб и Г. Леонхардт.

— Для чего он вам понадобился? — нахмурился судья.

— Мы хотели бы прогладить страницы конституции нашей Федеративной республики. Не иначе, как там молоком между строк вписаны какие-то поправки, о которых народ просто не знает. Пора их проявить.

— Ваши шутки глупы и неуместны.

— Нисколько, ваша честь. Явные статьи конституции, напечатанные черным по белому, просто очаровательны. Одно удовольствие читать, например, статью пятую — «Право на свободное выражение мнения». Мы его выражали, когда в юности входили в Социалистический союз студентов, но теперь нам эти «грехи молодости» выходят боком. А статья двенадцатая конституции — «Право на свободный выбор профессии», она ласкает слух почти, как симфония Моцарта! И что же: мы свободно выбрали преподавательскую стезю, но нас и близко не подпускают к школе за наши социалистические убеждения. Вот мы и подумали: а нет ли в нашей конституции каких-то тайных оговорок и поправок, сводящих на нет смысл явных печатных статей? Давайте же их поскорее проявим горячим утюгом!

За точность диалога мы не ручаемся. Можно не сомневаться, что преподавателям Г. Кольбу и Г. Леонхардту в их хождениях по судам ФРГ было не до иронических просьб об утюге. Но в главном мы верны истине. О горестной судьбе двух учителей рассказал недавно австрийский журнал «Вег унд циль». На основании пресловутого «запрета на профессии для радикальных элементов» их мытарят, не подпуская к школе, хотя «запрет на профессии» вопиюще противоречит конституции ФРГ.

ТИХИЙ ДЕДУШКА АЛЬФРЕДО

— Дедушка Альфредо, — спросил быстроглазый мальчонка, — какие качества ты больше всего ценишь в человеке?

— Какие? — улыбнулся дед. — Конечно же, дружок, трудолюбие и вежливость. Вежливость и трудолюбие.

— Ты тоже такой?

— Конечно! Все знают, что я встаю до зари, к шести утра успеваю прочитать газеты, просмотреть и подписать бумаги, отдать своим служащим необходимые распоряжения. И я, заметь, никогда не повышаю голоса. Я только спрашиваю: «А не кажется ли вам?» И тут же выясняется, что всем кажется то же самое, что и мне...

Генерал Альфредо Стресснер не лгал внуку. Выходец из баварских немцев трудолюбив, как хорек. Все, что он делает, старается делать тихо. Так он тихой сапой почти четверть века назад прибрал к рукам власть в Парагвае и, тихо восседая с той поры в президентском кресле, пытается утвердить в стране кладбищенскую тишину.

Официально это именуется «чрезвычайным положением». Оно не отменяется в течение всех лет диктатуры «тихого деда» Альфредо. Здесь без всякого шума, минуя суд и следствие, тысячами исчезают неугодные режиму парагвайцы, подавляются профсоюзы, душат любую свободную мысль.

И все это под штандартом «борьбы с коммунизмом».

Поддерживать в стране тишину Стресснеру помогают подлинные мастера своего дела — шеф ЦРУ в Парагвае Антонио Кампоса Алума (имеет свидетельство о спецподготовке в США) и его подручный Вуди Халлман, действующий без всяких там затей, по хорошо проверенным в свое время рецептам его земляков гестаповцев. Но и им порой в президентском дворце Асунсьона приходится выслушивать тихий вопрос:

— А не кажется ли вам, что в лагерях есть еще свободные места на нарах?

О, конечно, им кажется, они в этом даже уверены! Ибо свободные места в тюрьмах — это единственный вид свободы, которую репрессивный аппарат Парагвая всегда готов предоставить своим гражданам.

Когда заходит разговор о правах человека в Парагвае, владелец президентского кресла тихо и вежливо переспрашивает:

— Права человека? Да, конечно, я целиком за права, но сначала нужно уточнить, кого считать человеком...

Говорят, что только простое перечисление титулов, званий, чинов и наград, которыми сам себя осыпает диктатор, займет 15—17 страниц. Небольшая брошюра. Список же преступлений генерала Стресснера многотомен. Но рано или поздно «тихому дедушке» Альфредо придется держать ответ за каждую строчку своего чудовищного «послужного списка».

Хрупка тишина в Парагвае.

Право на жилище

(кейптаунский вариант)

О поведении белых властителей ЮАР ходят разные слухи. Иногда говорят, дескать, и жестоки они по отношению к коренному африканскому населению, и несправедливы, и все такое прочее. Но вот недавно правители ЮАР со всей убедительностью опровергли эти досужие вымыслы. На глазах у всего мира проявлена исключительная забота о здоровье 26 тысяч африканцев, обитавших в пригородах Кейптауна — Ниянга, Гугулету и Ланга.

Эти несчастные прозябали в лачугах и деревянных бараках, где вовсю властвовали нищета, крысы, грязь, тиф, экзема, проказа... Восемьдесят процентов темнокожих, живших здесь, страдали от болезней, а также, естественно, от недоедания. Поэтому известные своим гуманизмом власти ЮАР решили ликвидировать постыдное гетто. Долой! Весь беспросветный трущобный ад был сбрит бульдозерами оперативно и беспощадно. Вслед за бульдозерами шли, словно пехота за танками, полицейские.

— По какой причине вы лишаете нас жилья? — кричали тысячи несознательных африканцев.

— По санитарно-гигиенической! — объясняли полицейские. — Своей же пользы не понимаете! — И, наверное, для того, чтобы исторгнуть из глаз бездомных слезы умиления и благодарности к правительству Форстера, полиция испустила облако слезоточивого газа.

— Но мы имеем право на жилище, хотя бы на такое гнусное! — упорствовали отдельные бездомные.

— Отправляйтесь в бантустаны, там себе постройте что-нибудь получше, — отвечали полицейские и, умело работая дубинками, придавали аборигенам ускорительно - поступательное движение в сторону бантустанов — псевдонезависимых резерваций для чернокожего населения.

Знакомьтесь — ЮАТ

Преподаватели географии, будьте внимательны! На карте мира может появиться новое название. И повинны в том будут власти Южно-Африканской Республики. Их стараниями рост числа заключенных в южноафриканских тюрьмах превышает общий рост населения. В цифрах это выглядит так: за прошедшее десятилетие число заключенных в ЮАР увеличилось на 27,4 процента, а численность населения за тот же период возросла лишь на 26,1 процента.

Если эта тенденция сохранится — а правительство Форстера только на этой тенденции и держится, — в обозримом будущем девять десятых населения окажутся за решеткой, и конфигурация этой решетки будет, естественно, на девять десятых совпадать с границами страны.

В этой связи редакция «ВСИТ» вносит на рассмотрение заинтересованных лиц ЮАР проект нового названия страны — ЮАТ, что означает Южно-Африканская тюрьма и более точно соответствует существующим там порядкам.

Шахматы по-ЮАРовски

Рисунок В. САФОНОВА по теме А. МАЛАМУДА (г. Душанбе)

КОНКУРС ТЕМ «помощь художнику»

беседник. — Вот вам еще одна история в том же духе. Жил-был в Третьем рейхе эсэсовец Майвальд. В войну в Риге крепко лютовал — восемь тысяч душ на его личном счету. Шестнадцать лет все никак не начинали следствие. Ну, наконец, начали — пятнадцать лет с грехом пополам расследовали, потом осудили, и так осудили, что за каждого загубленного вышло ему три часа тюрьмы и ни минутки больше. Но суд грудью встал на защиту прав человека, я имею в виду Майвальда, конечно. Ни минуточки сидеть за решеткой ему не придется. Бедняга прихворнул, и суд освободил его из заключения по состоянию здоровья. Так что с защитой прав человека у нас в ФРГ все обстоит блестяще, — сказал мой сосед по столу, отхлебнул пива и, усмехнувшись, добавил: — Смотря, конечно, с какой стороны взглянуть на это дело.

Святослав СПАССКИЙ

Рассказ

СТРЕЛКА

Федя стукнул в окошечко под вывеской «Ремонт часов». Окошечко распахнулось. Блистая марсианским стеклянным глазом, выглянул часовой мастер.

— Друг,— широко улыбаясь, сказал Федя,— минутная стрелка отлетела, загони ее на место, а? Сможешь?

Мастер молча ухватил Федины часы и склонился над ними.

— Отсутствие необходимой информации создает неудобство в соблюдении режима дня,— пояснил Федя.— Такое дело, понимаешь. Из метро выходил без должной бдительности, а двери там лютые. Чего-то зеванул я, вот меня дверью и пришибло, аккурат по левой руке. Рука ничего, выдержала, и кость цела, а стрелка на часах, выходит, сробела. Не выстояла.

— Бывает,— сказал мастер, возвращая часы.— Тоже вот под трамвай руку класть не советую. Отскочит стрелка непременно.

Федя изумленно посмотрел на циферблат.

— Чего? Уже? Ну, ты даешь! Народный умелец, не иначе. Левша тульская. Вот спасибо-то! Сколько с меня?

— Ничего не надо,— равнодушно ответил мастер, прикрывая окошко.— Носите на здоровье.

— Что значит ничего?

— Да ничего, пустяки.

— То есть как пустяки? Ты сработал, так и получи свое!

— Ерунда же, говорю. Копеечное дело. Иди, браток, иди.

— Я тебе не браток, учти,— сказал Федя.— Вот братку ты и чини задаром. А я равноправный клиент, пришел в государственную мастерскую. В мастерскую, а не на паперть, понял? Подачками не интересуюсь.

— Ну, хватит,— сказал, морщась, мастер.— Нашел тему для разговора!

— Нет, постой! — возразил Федя.— Объясни мне такое: вот пришли к тебе, допустим, тыща человек народу, и все, как я, со стрелкой. И ты им всем даром эти стрелки понавставляешь. Тогда скажи: какая выгода государству от твоего заведения?

Мастер задумался.

— Тысяча не придет,— сказал он.

— Почему это? А вот если?

— Не придет,— повторил мастер.— Тысяча — это очередь на четыре квартала. А какой дурень из-за ерундовой стрелки будет такую очередь выстаивать? Тысяча придет — тысяча и уйдет. Человек пять, может, останется.

— Ну и все равно,— упрямо сказал Федя,— ремонт произведен? Произведен. Задарма я не согласен. А я не обеднею, не бойся. У меня, может, дома таких вот часов двадцать штук. И три рояля.

Мастер вздохнул.

— Хорошо, с вас две копейки.

— Значит, две копейки,— торжествуя, сказал Федя.— Все, не спорю — две так две. А теперь растолкуй мне, техник-механик: если и впрямь ремонт стоит две копейки, почему ты их сразу с меня не взял, почему государство обманываешь? И, наоборот, если не стоит ремонт двух копеек, почему ты с меня их берешь, почему меня обманываешь? И почему тебя, обманщика, до сих пор не вытряхнули из твоей будки? По блату, да? Часовой министр — твой дядя, да? Шайка-лейка у вас?

— А если поосторожнее в выражениях? — угрожающе спросил мастер.

— Так я объясню тебе,— перебил его Федя.— Объясню, чего ты тут окопался. Ты, наверное, в часах золотые колесики на железные подменяешь. Старушек охмуряешь. И с начальством делишься. Колесико — себе, колесико — начальству. Вот тебя тут и держат!

— А я вот в суд на тебя за клевету! — багровея, крикнул мастер.

— Старушек дореволюционных охмурять не штука,— продолжал Федя.— А вот на мне ты, техник-механик, споткнешься. На мне еще никто не наживался. Ты на меня — в суд, а я на тебя — в обэхээс, понял?

— Зови! — закричал мастер.— Зови свою обэхээс, только немедленно, сейчас же зови! Ну?

Федя махнул рукой.

— Возиться с тобой! Никого я звать не буду, сами до тебя докопаются. Ты только запомни: как веревочке ни виться, а конец будет! И из этой твоей будки в другую тебя переселят, точно! С решеткой!

Мастер схватил старинный бронзовый маятник и стал торопливо вылезать из своего закутка, роняя на пол шурупчики и пружинки.

Федя выбежал на улицу и издали запальчиво крикнул:

— Маятник — это не аргумент! Ну, ничего, я тебе сейчас такое устрою!

Он зубами открыл крышку часов, отковырнул ногтем минутную стрелку и швырнул ее в направлении часовой мастерской.

— Все твои труды впустую, значит, стрелочник несчастный,— сказал он, успокаиваясь.— А так тебе и надо, в следующий раз умнее будешь.

Самиг АБДУКАХХАР

Небесная загадка

На свадьбу от друга пришло
приглашенье,
Не видел его Насреддин
много лет!
Из Бухары благородной,
священной
Летит самолетом в цветущий
Ташкент.
Но не успел высотой
насладиться,
Солнцем и тенью густых
облаков.
Плавно «ковер» опустился —
как птица.
Встретил приятель с букетом
цветов.
Как удержать быстротечное
время!

Приятель и гость на часы
все глядят.
И вместе с другими справляются
нервно:
— Когда ж долгожданный
багаж возвратят!
Вздохнул Насреддин: — Да,
наверно, не скоро...
Ну и загадка, тебе я скажу!
За час долетели из города
в город,
А три — не могу получить свой
хурджун!

Перевел с узбекского
Николай КРАСИЛЬНИКОВ.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«КАК ПИТЬ ДАТЬ»

В фельетоне под таким заголовком («Крокодил» № 14) говорилось о проблемах и бедах уникального трускавецкого курорта.

Заместитель председателя ЦС ВЦСПС по управлению курортами Н. А. Стороженко признал, что «ввиду большой популярности курорта и вместе с тем ограниченных возможностей его лечебной базы, гостиничного и частного жилого фонда, а также пропускной способности столовых в настоящее время не представляется возможным обеспечить всеми необходимыми видами обслуживания лиц, прибывающих на курорт без путевок и курсовок».

Дело, однако, исправляется к лучшему. Усилен контроль за сдачей квартир. Заканчивается строительство 250-квартирного дома для работников курорта, и начато строительство еще одного — 350-квартирного. В будущем году начнется строительство детского сада.

Заместитель председателя Украинского республиканского совета по управлению курортами профсоюзов тов. Б. Бовкун сообщил, что в текущем году будет сдана в эксплуатацию общекурортная прачечная.

Заместитель председателя Львовского горисполкома И. Бляхарский в своем ответе лишет, что следует срочно решить вопрос о возобновлении работы платной поликлиники в гор. Трускавце.

«ШЕПТУНЫ»

В фельетоне под таким заголовком («Крокодил» № 15) шла речь о ловчилах и жуликах, которые, работая на государственных предприятиях, используют малейшую возможность для личного обогащения. Скажем, работницы московской автозаправочной станции № 127 Н. Шмакова и А. Чекарева создавали излишки бензина за счет недолива, а деньги от его реализации присваивали. За что и были осуждены народным судом.

На фельетон откликнулся директор Московского производственного комбината автообслуживания тов. В. Фролов. Состоялось обсуждение фельетона на расширенном совещании руководящих работников комбината, а также на общих собраниях в эксплуатационных подразделениях. Намечены мероприятия воспитательного характера и по усилению контроля за работой АЗС. В частности, пересмотрена деятельность контрольно-инспекционной службы комбината, которая усилена опытными работниками. На ряде АЗС пересматривается порядок отпуска нефтепродуктов владельцам автомобилей.

«ТИХИЕ РЫЦАРИ»

В этом фельетоне («Крокодил» № 18) рассказывалось о нерыцарском поведении секретаря партбюро сборочного цеха № 1 Челябинского тракторного завода Н. Шушлебина. С ним читатель имел возможность познакомиться еще в прошлом году (№ 22). Шушлебин оскорбил площадной бранью мастера А. Фирсову. В отместку за критику Н. Шушлебин стал всячески преследовать А. Фирсову, выживать ее из цеха.

Секретарь Челябинского горкома КПСС тов. А. Грай сообщил редакции, что за неправильное отношение к критике Н. Шушлебину объявлен выговор. Он освобожден от обязанностей секретаря цеховой парторганизации.

Секретарю партиома корпуса тов. Р. Яровому указано на недостаточный уровень критики и самокритики в цеховых парторганизациях.

Партийному бюро и руководству сборочного цеха № 1 рекомендовано составить комплексный план мероприятий по усилению воспитательной работы в коллективе.

«ЛОЖЬ ПЕЧАТНЫМИ БУКВАМИ»

Так назывался фельетон К. Убилавы, напечатанный в «Крокодиле» № 18. В фельетоне говорилось о нездоровой обстановке, сложившейся в педагогическом коллективе средней школы № 5 на ст. Рязанская, Краснодарского края.

Как сообщил редакции заведующий Краснодарским краевым отделом народного образования тов. Л. Солодухин, учитель тов. В. Самофалов, необоснованно жаловавшийся в различные инстанции на пристрастное к нему отношение со стороны руководителей школы, учитывая сложившееся о нем общественное мнение, перешел работать в другую школу. Заместитель директора школы № 5 тов. В. Проколенко за неудовлетворительное руководство учебно-воспитательным процессом от занимаемой должности освобожден.

Коллегия краевого отдела народного образования рекомендовала руководителям школ провести работу по улучшению нравственного климата в педагогических коллективах.

САДОВОДЫ С ТОПОРАМИ

Работники ВДНХ имеют в районе ст. Крекшино коллективный сад. Садоводам следовало бы принять участие в охране прилегающего леса, а они занялись вырубкой деревьев. Местком и дирекция ВДНХ вместо того, чтобы призвать своих работников к порядку, самочинно, не имея на то права, выделяют им дополнительные участки леса. Таково было содержание читательского письма, которое редакция направила в Московское управление лесного хозяйства.

Управление предложило местному леспромхозу поставить перед Наро-Фоминским горисполкомом вопрос об изъятии у садоводческого коллектива ВДНХ «Крекшино» лесной площади и передаче ее в состав гослесфонда.

Надеемся, Наро-Фоминский горисполком поможет управлению лесного хозяйства защитить лес от расплясавшихся губителей природы.

Рисунок С. СЕРГЕЕВА.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

КРОКОДИЛИНКИ

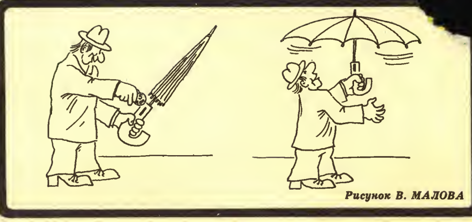

Рисунок В. МАЛОВА

Рисунок В. МОХОВА

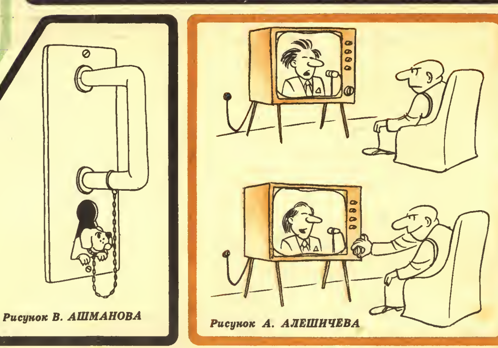

Рисунок В. АШМАНОВА

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

Рисунок П. КОЗИЧА, г. Витебск

Что бы это значило?

НИ ЖИВ, НИ МЕРТВ

Робот.

Р. Тумановский, г. Москва.

ПОКАЗАТЬ СВОЕ ЛИЦО

Прекратить пользоваться косметикой.

В. Цогревский, пос. Красногорский, Челябинской области.

ДЕЛАТЬ БЕЗ СПРОСА

Выпускать неходовую продукцию.

Р. Куперман, г. Москва.

р
ст
ма
тель,
жешь?
Мастер
сы и склон
— Отсутс
формации
блюдении
Федя.— Т
метр

нарочно НЕ придумаешь

«За халатное, несерьезное отношение, за несвоевременную диагностику, лечение и оформление медицинской документации больному Богатыренко В. объявить выговор».

(Из приказа).
Прислала П. Шадрина, г. Баку.

«Добиться экономии электроэнергии 2500 килограмм».

(Из обязательства маслоцеха пищекомбината).
Прислал В. Молчанов, г. Каменск-Шахтинский.

«Водку на работе распивать? Здесь вам не детский сад».

(Реплика на планерке ремстройбригады).
Прислал М. Глуханкин, г. Орск.

«Ну, а чтобы хорошо поработать, нужно хорошо и покушать. С этой почетной обязанностью справляются наши молодые повара».

(Из письма в редакцию).
Прислал В. Бетехтин, Курганская область.

«Продается семимесячный мотоцикл «Урал».

(Объявление).
Прислала Н. Кузьмичева, Камчатская область.

«Объясняю о том, что в пятницу 19.VIII-77 г. работала на полуавтомате килькоразделочной машины с Нурмагомедовой. Себя виновной не считаю, так как я работала без головы, а она с головой».

(Из объяснительной).
Прислала К. Джафарова, г. Махачкала.

ФОТО В. Отмахова. г. Учалы, Башкирской АССР.

...оборот,

Мартти ЛАРНИ

ПОЛЧАСА

Некоторое время тому назад я совершил поездку за границу. Мне пришлось лететь по маршруту Хельсинки — Франкфурт — Мюнхен — София. От Хельсинки до Франкфурта я имел полную возможность беседовать с самим собой, но во Франкфурте ко мне подсел некий весьма разговорчивый господин и первым делом поинтересовался моим знанием языков, а затем сказал, что предпочитает беседовать по-английски. Итак, мы решили (или, вернее, он решил) вести диалог на его родном языке. Это был хорошо одетый господин средних лет.

— Вы, вероятно, немец?— спросил он.

— Нет, я финн.

— Неужели? У вас вид вполне нормального человека. Но ваши волосы, очевидно, крашеные.

— Вовсе нет. Они от природы такие светлые.

— Ни за что бы не поверил! И куда вы направляетесь?

— В Софию.

— София!— воскликнул мой собеседник, воодушевляясь.— Я знаю только одну Софию — Софи Лорен, и только по кинофильмам. А вы с ней хорошо знакомы?

— Я не имею в виду встречи с Софи Лорен,— возразил я. — Цель моей поездки — София, столица Болгарии, где состоится международный конгресс деятелей искусства и культуры.

— Неужто в Болгарию?— изумился мой сосед и бросил на меня колючий взгляд.— Болгария совершенно неразвитая страна, народ ее живет в страшной нищете. Ни об искусстве, ни о культуре там и понятия не имеют.

— А вы бывали в Болгарии?

— Нет, но у меня точные сведения обо всех странах Восточной Европы. Я лечу в Мюнхен, чтобы прочесть лекцию. У меня колоссальная аудитория.

— Где будет ваша лекция?— спросил я на всякий случай.

— На радио «Свободная Европа».

— Ах, так вы радиожурналист?

— Берите выше. Я профессор советологии. Радио «Свободная Европа» очень хорошо платит за выступления.

— И каково содержание вашей лекции?— поинтересовался я.

— Советология, конечно,— ответил сосед, раскрывая большой кожаный портфель.

Он достал из портфеля кипу бумаг и, уложив на маленький складной столик-поднос, укрепленный перед его креслом, принялся их листать, бормоча про себя что-то невнятное. Наконец он нашел какую-то тетрадку и, размахивая ею, сказал:

— Вот она, рукопись моей лекции! Она целиком посвящена Советскому Союзу. Тема весьма актуальная — «60 лет попрания человеческих прав»!..

Тут советолога прервал голос стюардессы:

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

«Нью-йоркер», США.

— Джон, нас поселили с видом на банк!

«Павлиха», Югославия.

— Почему это тебе вечно приходится брать работу на дом?

«Штерн», ФРГ.

(Финляндия)

С СОВЕТОЛОГОМ

— Самолет производит посадку в мюнхенском аэропорту. Пожалуйста, пристегните ремни и погасите ваши сигареты!

Советолог стал поспешно собирать свои бумаги. По какой-то непонятной причине складной столик у него вдруг захлопнулся и часть бумаг разлетелась по проходу и под кресла. Самолет уже приземлился, а мой спутник все ползал по полу на четвереньках, собирая свои рукописи, и пихал их в портфель как попало. Пристяжным ремнем он так и не воспользовался, а сигарету погасил о подошву моего ботинка. Когда самолет остановился и подали трап, советолог первым устремился к выходу. Помахав рукой, он пожелал мне счастливого пути и крикнул, чтобы я в тот же вечер слушал передачи «Свободной Европы».

Я вышел вместе с другими пассажирами в зал ожидания. Через полчаса вновь объявили посадку, и мы вернулись в свой самолет. И тут я с изумлением увидел прижатую захлопнувшимся столиком рукопись — восемь страниц отпечатанного на машинке текста. Едва я прочел заглавие, мне стало ясно, что это произведение советолога — именно та его лекция, которую он готовился сегодня же произнести перед широкой аудиторией.

Каюсь, я взял эту рукопись, чтобы ознакомиться с нею на досуге. И вот теперь мне хочется процитировать хотя бы некоторые места. Профессор советологии со всей серьезностью утверждает следующее:

«60 лет назад произошла самая ужасная трагедия, самая кровавая в мировой истории узурпация власти.

Неграмотные мужики принялись хозяйничать в стране, переименованной в Советский Союз...

Миллионы крестьян до сих пор пашут поля деревянными сохами.

В Советском Союзе процветает расизм. Негры и все прочие цветные граждане должны жить на особых, тщательно охраняемых территориях. Библиотеки уничтожены, да они и не нужны никому, поскольку в стране царит поголовная неграмотность.

Гражданам разрешается иметь лишь одну пару платья, одни ботинки и одно одеяло. Но после их смерти (а средняя продолжительность жизни у них 36 лет) все их носильные вещи, а также постель и прочие предметы личного пользования — чашки, тарелки и ложки — отходят государству.

Советская промышленность находится в самом зачаточном состоянии. Некоторые туристы, правда, уверяют, что на московских улицах можно наблюдать движение автомобилей. Однако более точные исследования показывают, что это в большинстве своем машины иностранных посольств. Главной же тягловой силой по-прежнему остаются волы. В последнее время появилось некоторое количество велосипедов, купленных за границей, но ими пользуются исключительно партийные руководители и милиция. Простые граждане [...] нему вынуждены ходить пешк[...] по-русски называется «на св[...] двоих».

Уважаемые слушатели радио «Свободная Европа»! Я привел эти наглядные примеры из жизни Советского Союза для того, чтобы сразу же ввести вас в круг идей современной советологии. Советологии в странах Запада придается весьма важное значение. На данном этапе советология уделяет особое внимание защите прав человека. Итак, мы установили, что Советский Союз является крайне отсталой страной. Далее мы рассмотрим и проанализируем причины такой отсталости...»

* * *

Приведенная цитата вполне достаточно характеризует содержание всей лекции этого советолога. Он не назвал мне своего имени, но теперь я начинаю серьезно подозревать, что профессор является прямым потомком ганноверского барона Карла Фридриха Иеронима фон Мюнхаузена. Некоторые люди верят «научности» этих передач, большинство же смеется над ними. Большинство людей на Западе отличает правду от лжи, по достоинству оценивает экономические, научно-технические и культурные достижения Советского Союза.

Финляндия и Советский Союз почти одновременно справляют свое 60-летие в условиях крепкой дружбы и полного взаимного доверия. Если некоторые западные советологи и пытаются выскочить во время этих торжеств со своими экстравагантными номерами, то, право же, не стоит из-за этого расстраиваться. Всегда ведь на праздниках бывает и какая-нибудь легкая программа, в том числе и выступления профессиональных клоунов...

Переаел В. БОГАЧЕВ.

ШИРОТ

— Вы знаете, Шарлотта, я стала замечать, что люди сейчас намного вежливее, чем раньше. Недавно, например, я, оступилась, входя в автобус, и упала на передней площадке. И что же вы думаете! Люди, вместо того чтобы пройти по мне, осторожно переступали через меня!

●

Дама пришла на прием к известному нью-йоркскому косметологу. Он внимательно осмотрел ее лицо и сказал:

— Если вы хотите выглядеть дей[...]льно хорошо, вам понадобится [...]ская операция, которая будет [...]ть тысяч долларов.

[...]шком дорого!

[...]гу посоветовать вам [...] доллара.

[...]редство!

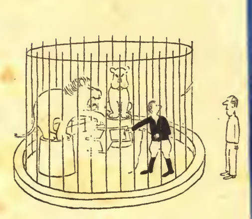
[...]ь мечтал стать моря-

[...] им не стали!

— Мы решаем проблему безработицы, господа, назначая еще двести цензоров для нашей свободной печати.

«Панч», Англия.

Укротитель: — Сначала я был школьным учителем, но потом почувствовал, что должен перейти на более спокойную работу.

«ПРАВДА»

ЖУРНА[...] ВЫХОДИТ [...] ТРИ РАЗА В МЕС[...]

Темы рисунков эт[...] мера придумали: А[...] чев, Ю. Андреев, [...] нов, А. Будилов, Р[...] П. Козич, В. Мало[...] лер, И. Норинский, [...] панов, М. Ушац, Ю. [...] иов.

■

НАШ АДРЕС:

101455,
Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:
250-10-86
253-34-37

■

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
А. Б. ГОЛУБ
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(зам. главного редактора)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
(ответственный секретарь)

■

Технический редак[...]
В. П. БОРИСО[...]

КАПИТАЛИЗМ 1917 г.

Соревнование

КРОКОДИЛЬСКАЯ ПРОВЕРКА

НА ГЛАВНОЙ МАГИС

Е. ГУРОВ, Р. КИРЕЕВ, специальные корреспонденты Крокодила

Это позывные теплохода „Федор Охлопков",

это — теплохода „Камчатка",

а это значит: „Желаю Вам счастливого плавания!"

Вот что написано над штурманским столом, за которым ведется судовой журнал «Федора Охлопкова», теплохода родного:

ПИШЕМ, ЧТО НАБЛЮДАЕМ, А ЧЕГО НЕ НАБЛЮДАЕМ, ТОГО НЕ ПИШЕМ

Штурманский офицер Будрин.

Родного — нам, ибо именно на этом теплоходе начали мы свой вояж по Северному морскому пути. А потому как было не внять авторитетным рекомендациям мужественного офицера? Внимая же, сообщаем: льда не было. И потому напрасно, провожая нас, вздыхали жены, напрасно совали они нам, несмотря на август, теплое белье и галеты «Юность» — на случай непредвиденного вмерзания в дрейфующую льдину. Напрасно тот из нас, который рисует, подбирал соответствующего цвета фломастеры для сугубо реалистического изображения «белого безмолвия», пишущий же товарищ заблаговременно нашаривал соответственные эпитеты. Напрасно! Не было, не было, не было льда, если не считать едва различимых вкраплений в расселинах мыса Сердца-Камень да полдюжины хвостатых точек в локаторе, взглянув на которые, капитан Чурсин проронил: «Льдины» — и прибавил бдительности. Вот все.

— Первая такая навигация за последние четверть века, — сказал другой капитан, Абоносимов, а это как раз тот человек, которому следует верить. К тому же не в сухопутном кабинете произнес он это, а на мостике «Адмирала Макарова», одного из мощнейших наших ледоколов, что который уж день безработно стоял у мыса Рыпильника.

Словом, приключений не будет. Вы не услышите грохота взламываемого льда и не увидите, как и мы, белых медведей. Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, того не пишем.

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Страна, празднуя, сравнивает: так было шесть десятилетий тому, а вот так, гляньте, стало теперь. Мы же не можем. Не с чем сравнивать нам то, что стало ныне арктическим поселком Тикси: еще полвека назад его попросту не существовало. Загадочная история начинается тут с 27 мая 1932 года, когда пароход «Александр Сибиряков» вошел в бухту, у которой будущий поселок и мощный арктический порт позаимствовали название. Из Архангельска на восток пробивался «Сибиряков» сквозь льды, которые в отличие от нынешней навигации были. «Проложить окончательный морской путь от Белого моря до Берингова пролива, — сформулировал задачу Совнарком СССР, — оборудовать этот путь, держать его в исправном состоянии и обеспечить плавание по этому пути».

Так начинался Тикси, нынешний административный центр района, равного по территории Бельгии, Дании, Голландии, Португалии и Швейцарии, вместе взятым.

Всего три месяца длится тут навигация, и ради этих-то трех месяцев вырос поселок на широте, где подберезовики выше берез, поскольку они, подберезовики, стоят, а березы стелятся. Иных деревьев тут нету.

КТО ВЫ, КАПИТАН ЧУРСИН?

Это ничего, что не было льдов — были плоты, и наши жаждущие героизма глаза насытились вдоволь. Что цирковые акробаты по сравнению с асами, выделывающими на плавающих в студеной воде бревнах умопомрачительные па! «Бревнах», — описалось сухопутное перо, а правильней было б: «концах». «Концы» подгоняют к плавкрану, тот захватывает их и опускает в трюм. 23 927 концов вез теплоход «Федор Охлопков», на котором мы имели честь пройти от Тикси до Певека. 23 927 — вас удивляет эта въедливая точность?

Кто он, нынешний морской волк? Искушенный бухгалтер, постигший все тонкости счетного дела. Коммерсант, способный мгновенно оценить, какой груз выгоден, а какой нет. Дока по части юриспруденции. Вы поймете это, даже не зная, что перед вами студент-заочник юридического факультета: столь ловко оперирует он кодексами и статьями. «Скупердяй», — наверняка прибавит кое-кто, ибо разве не он подымает скандал из-за получасового простоя или заставляет слить из танкеров часть пресной воды, дабы взять на борт лишний десяток тонн груза?

Бухгалтер, коммерсант, юрист, он же капитан дальнего плавания Виктор Григорьевич Чурсин — будьте знакомы! Предводимый им теплоход «Федор Охлопков» признан лучшим в Северо-восточном управлении.

Мы откроем вам один секрет: у капитана Чурсина мозоль на указательном пальце — от писанины (отчеты, сводки, акты — кошмар!), но вы не думайте, что это завершающий штрих и, коли уж положен он, то перед нами законченный портрет этакого плавающего канцеляриста. Он задира, капитан Чурсин, и, сэкономив пятнадцать с половиной часов стояночного времени, бросает вызов всем судам арктического бассейна: кто больше?

ШТУРМАН, СЧИТАЙ СЕБЯ БЛИЖЕ К ОПАСНОСТИ

Это мудрое изречение выведено на переборке, отделяющей штурманскую рубку от рулевой. И не напрасно, ибо за бортом — Арктика, которая оставалась Арктикой даже в ту сугубо праздничную навигацию, какой явилась навигация нынешняя.

Туман, и каждые две минуты тревожно гудит пароход, предупреждая возможные встречные суда о своем приближении. Работают локаторы, но, как во время легендарного Лаперуза, выслан на бак впередсмотрящий — потомственный моряк Святослав Карцев. Это курсант — и он не один на судне, их целая группа — из Одесской «мореходки». Все правильно, ибо где еще получишь этакое морское крещение!

Надо вам сказать, что салага на борту узнается сразу — хотя бы по тельняшке, которую истый морской волк надевать забывает. Как вы понимаете, мы оба начали свои московские сборы именно с тельняшек...

Вместо посуленных службой погоды двух баллов разыгрались все шесть, и потому, как ни прижимист на время капитан Чурсин, пришлось останавливаться и крепить «караван» — ту часть леса, которую везли на палубе. Корабль мотало, а тут еще третий помощник, коренной одессит Миша Борин доложил, что видит в локаторе судно, которое движется презабавным образом. Оставив недопитый чай, капитан в шлепанцах бросился наверх. Мы, разумеется, последовали за ним. А загадочных судов было уже два, три, четыре... «Льдины», — поставил диагноз Чурсин, и мы с благоговением поглядели на такие невинные с виду хвостатые точки. Невинные! Однако капитан уже не покидал мостика.

А между тем жизнь на судне шла своим чередом: вахты, фильмы археологической давности, телефотогазета, регулярно принимаемая из Петропавловска-на-Камчатке начальником рации Анатолием Яфановым, производственные и профсоюзные собрания и даже один митинг в рамках объявленной Всемирным Советом Мира Недели борьбы против нейтронной бомбы. Решили: отправить в фонд мира однодневный заработок экипажа. Моряки всегда близко к сердцу принимали происходящее окрест.

ФЕДОР ОХЛОПКОВ

Теплоход «Федор Охлопков» идет «в грузу», как говорят моряки. (Крестиком отмечены ваши корреспонденты.)

МАЙНА-ВИРА

Слово «бар», оказывается, имеет еще одно значение, весьма далекое от того пикантного, к которому привыкло наше неморяцкое ухо. Бар — это прибрежный песчаный вал, нанесенный впадающей в этом месте рекой, в нашем с вами случае — Индигиркой. Именно тут предстояло перегрузить в открытом море шестьсот тонн леса на речные суда, а самим следовать дальше, на Певек.

Стыковка, однако, не состоялась: мы прибыли, бросили якорь, огляделись, поаукали в эфир — ни души, а предупреждающие радиограммы между тем были посланы. Лишь через несколько часов откликнулись речники, самоходная же баржа подошла через сутки.

Речники и моряки... Их отношения сложны, как отношения между партиями в английском парламенте, и мы не беремся быть тут арбитром, боясь необъективности, поскольку плавали-то мы и ели

хлеб-соль
очевидно:
раз пофа
ка-капитан
содрать
простой,
волна и
судоходст
ли шварт
Пока с
довой вр
рович Гр
ловные
Борис Ш
ровал ком
ложении
тиненте,
экипажу
картошкой
Утром
грузка, в
ли все.
Чурсин
буется е
нако он
опытный
речники
сокую пр
Все ш
стили он
расстались
ветствова
ками.

САМ

Это П
рассвете
му, подн
капитан
брови.
— Что
вас?
Так я
так сиял
ли сопки
да жарил
ки и р
изумитель
тика...
после, се
только в

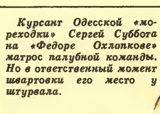
Капит
кова» В
Чурсин
дело и,
придает
там «
Впрочем
бом» и
юте.

...рный морской путь главной национальной транспортной магистралью в Арктике.

МАГИСТРАЛИ

Арк-
сугубо
о, ка-
я ны-
е ми-
паро-
озмож-
своем
т ло-
мя ле-
ыслан
ий —
Свято-

А между тем жизнь на судне шла своим чередом: вахты, фильмы археологической давности, телефотогазета, регулярно принимаемая из Петропавловска-на-Камчатке начальником рации Анатолием Яфановым, производственные и профсоюзные собрания и даже один митинг в рамках объявленной Всемирным Советом Мира Недели борьбы против нейтронной бомбы. Решили: отправить в фонд мира однодневный заработок экипажа. Моряки всегда близко к сердцу принимали происходящее окрест.

...оряки. (Крестиком

аит—и
их це-
еской
ильно,
этакое
то са-
й сра-
няшке,
й волк
ак вы
начали
имей-
служ-
ов ра-
пото-
а вре-
при-
ся и
часть
палу-
а тут
корен-
ин до-
каторе
я пре-
ставив
ган в
аверх.
довали
судов
тыре...
диаг-
нагого-
ие не-
е точ-
капи-
стика.

МАЙНА-ВИРА

Слово «бар», оказывается, имеет еще одно значение, весьма далекое от того пикантного, к которому привыкло наше неморяцкое ухо. Бар — это прибрежный песчаный вал, нанесенный впадающей в этом месте рекой, в нашем с вами случае — Индигиркой. Именно тут предстояло перегрузить в открытом море шестьсот тонн леса на речные суда, а самим следовать дальше, на Певек.

Стыковка, однако, не состоялась: мы прибыли, бросили якорь, огляделись, поаукали в эфир — ни души, а предупреждающие радиограммы между тем были посланы. Лишь через несколько часов откликнулись речники, самоходная же баржа подошла через сутки.

Речники и моряки... Их отношения сложны, как отношения между партиями в английском парламенте, и мы не беремся быть тут арбитром, боясь необъективности, поскольку плавали-то мы и ели хлеб-соль с моряками. Но вот очевидно: речникам на этот раз пофартило. Уж наш дока-капитан не преминул бы содрать с них денежки за простой, но шла приличная волна и осторожные правила судоходства не рекомендовали швартоваться.

Пока стояли на якоре, судовой врач Сергей Александрович Гришин чинил рыболовные снасти, предсудкома Борис Шварцман информировал команду о текущем положении на африканском континенте, а камбуз готовил экипажу подарок: вареники с картошкой.

Утром началась самовыгрузка, в которой участвовали все. Прикинув, капитан Чурсин заметил, что потребуется еще одна баржа, однако он ошибся, наш многоопытный кэп. Не учел, что речники тоже борются за высокую производительность.

Все шестьсот тонн поместили они, после чего мы расстались, галантно поприветствовав друг друга гудками.

САМЫЙ СЕВЕРНЫЙ ГОРОД

Это Певек, но, когда на рассвете мы подходили к нему, поднявшийся на мостик капитан удивленно вскинул брови.

— Что за тропики тут у вас?

Так ярко светило солнце, так синело море, так зеленели сопки... А в центре города жарили на углях шашлыки и разливали сухое вино изумительного букета. Арктика... Но это уже было после, сейчас же мы только-только входили в бухту.

Поднявшийся на борт лоцман Павел Николаевич Яшанин, ветеран Заполярья, играючи пришвартовал судно. И тут произошло нечто странное. Концы еще не были закреплены, а на палубу попрыгали какие-то люди в касках, завозились, задвигались, стали освобождать «караван». Это были портовые докеры.

— Дайте привязаться! — прогремел в репродуктор капитан, но тут его вежливо взял за локоть некто с папкой.

— Будьте добры! — и протянул бумагу.— Я представитель порта, а это договор о комплексном соревновании между нами и вами. Не угодно ли подписать?

Угодно! Подпись капитана еще не была скреплена печатью, а подъемный кран уже вздымал во исполнение договора первую «виру».

Три месяца с небольшим длится арктическая навигация, и за это время надо на целый год обеспечить всем необходимым полярников и золотодобытчиков, оленеводов и строителей.

— Приходится спешить,— говорит начальник штаба ледовых операций Восточной Арктики Владимир Петрович Жеребятьев, один из старейших ледокольных капитанов страны. Знаете, что растет на окне в его кабинете? Огурцы. Самые обыкновенные, пупырчатые огурцы, но, признаться, они показались нам экзотическими. А потом привыкли, ибо нет в арктическом Певеке ни одного окна, на котором не буйствовала бы растительность. Даже в полярную ночь здесь можно купить свежие цветы — из местной оранжереи.

В ГОСТЯХ И ДОМА

Домом был теплоход «Камчатка», на котором мы отправились в сторону Берингова пролива, в гости же мы пришли на ледокол «Адмирал Макаров», что стоял на якоре возле мыса Рыпильинка.

Мы брали у него горючее, поскольку самому ледоколу оно пока что не требовалось: ледовый массив подвинулся далеко на север. Вы помните, что сказал по этому поводу капитан ледокола Абоносимов: первая такая навигация за последние четверть века. И прибавил, вздохнув: «Скучно!»

Не станем сыпать цифрами, впечатляя. Да и что вам, наш сухопутный читатель, все эти водоизмещения, осадки и дедвейты. Лучше мы сдержанно проинформируем вас, что на его борту — крытый плавательный бассейн с подогретой морской водой и скоростной лифт, который мгновенно подымет вас из стерильной бездны машинного отделения на капитанский мостик. И здесь, на мостике, даже самый не искушенный в навигации человек может без труда проделать то, что моряки издревле именуют загадочно «взять точку».

На обычном судне этот момент напряженный и для постороннего взгляда загадочный. От локатора к пеленгатору мечется штурман, пускается в ход циркули и логарифмические линейки, что-то вычерчивается на карте... «Адмиралу Макарову» неведома эта суета. На «Адмирале Макарове» достаточно взглянуть на электрическое табло и прочитать без торопливости: «69 градусов 29 минут 72 секунды северной широты и 178 градусов 19 минут 67 секунд восточной долготы».

Памятными оказались эти координаты для судов «Макаров» и «Камчатка», ибо именно в них состоялась товарищеская встреча по волейболу между двумя экипажами. Проходила она в просторном ангаре для вертолета, который временно стоял на палубе.

Победила дружба...

Бревно — палочка. Бревно — палочка. Бревно в трюм, палочки в тетрадь. А галочки, чтобы со счета не сбиться.

ИЗ СЕГОДНЯ — ВО ВЧЕРА

Это произошло, когда «Камчатка» пересекла в проливе Лонга знаменитый 180-й меридиан, рассекающий планету на две равные половинки. На восточном полушарии было уже «сегодня», а на западном еще длилось «вчера». Но это не вывело экипаж из цейтнота: был конец месяца, и традиционно подбивались бабки. Решалось, кого на доску почета, кто лучший по профессии, у кого «хорошая работа», а кого пока что оставить в разряде «соревнующийся»: есть в торговом флоте и такая оценка моряцкого труда.

В полдень по судовому времени и в полночь по Гринвичу, относительно которого мы находились как раз на противоположном конце «шарика», «Камчатка» пересекла Северный Полярный круг, о чем незамедлительно информировал экипаж третий штурман Владимир Мигунов. Но он был шутник, третий штурман, и потому присовокупил:

— Желающих увидеть это уникальное географическое явление прошу подняться на верхнюю палубу.

Мы рванулись, и это оказалось самым забавным, чего дождались от нас моряки, исподволь наблюдавшие за корреспондентами «Крокодила» с интересом и надеждою.

А спустя некоторое время «Камчатка» вошла в разделяющий материки узкий Берингов пролив. Справа — голая высокая скала, мыс Дежнева, слева — Америка, а впереди — Тихий океан...

* * *

«Впереди—Тихий океан»— написано тут, но слишком элегически звучат эти слова, и никак не слыхать в них ни грохота льдин, ни жалобных поскрипываний судов, ни резких команд... А все было, и если не в эту навигацию, то во многие предыдущие. В течение нескольких десятилетий осваивала страна то, что ныне известно миру под именем Северного морского пути.

«Если сравнить Россию со зданием, то нельзя не признать, что фасад его выходит на Северный Ледовитый океан». Это сказал адмирал Макаров, человек компетентный. Стало быть, фасад? Ну что же, он вполне достоин великого здания.

Арктика.

Капитан «Федора Охлопкова» Виктор Григорьевич Чурсин отлично знает свое дело и, видно, поэтому не придает значения атрибутам «морского волка». Впрочем, фуражка с «крабом» и трубка лежат в каюте.

Курсант Одесской «мореходки» Сергей Суббота на «Федоре Охлопкове» матрос палубной команды. Но в ответственный момент швартовки его место у штурвала.

Василий Васильевич Кокарев, по-морскому «дед», что значит стармех, или, еще точнее, старший механик теплохода «Федор Охлопков».

— Мама знает, что я пеку хлеб, знает, что на севере. Но вот что я в море... узнает, если рисунок напечатаете, — говорит пекарь теплохода «Камчатка» Мария Самохина.

Вопрос, что собирается делать его младший брат, смешон Виталию Горютскому, матросу «Камчатки»:

— Отец — моряк, старший брат — моряк, я моряк... Куда ж младшему, кроме моря...